Александр Александров

В злом сердце Бог не живет

Роман

18+

Александр Александров

В злом сердце Бог не живет

«Автор»
2025

Александров А. В.

В злом сердце Бог не живет / А. В. Александров — «Автор», 2025

В новой книге петербургского писателя нашли свое отражение вечные темы – любовь и война. Главный герой романа Роберт Стрельцов наш современник. На его долю выпали суровые испытания чеченской кампании.Он с честью исполнил свой долг и вернулся. Но оказалось, что мирная жизнь полна трудностей, преодоление которых требует от человека подчас не меньшего мужества.

© Александров А. В., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Об авторе: 6
Часть I 7
1 8
2 13
3 19
4 25
5 37
6 41
7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Александр Александров
В злом сердце Бог не живет

Об авторе:

Александров Александр Валерьевич

Родился 27 февраля 1961 года в г. Няндома, Архангельской области.

Закончил музыкальную школу. Активно занимался боксом. Служил в армии. Закончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (1994 г.) и курсы режиссеров кино и телевидения (2001 г.).

Работал корреспондентом и зав. отделом в периодических печатных изданиях Архангельской области и Санкт-Петербурга; пресс-секретарем в Комитете по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга; режиссером в телекомпании «Европа ТВ».

Лауреат и дипломант всероссийских литературных премий и конкурсов.

Член Союза журналистов России.

Член Союза писателей России.

Часть I

Город тихо дремал, погрузившись в ночную мглу, и мохнатые серые облака мягко скользили по мокрым крышам, отражаясь в затуманенных зеркалах рек и каналов, слегка подсвеченных размытыми пятнами световой рекламы и уличных фонарей.

Нудный дождь беспрестанно барабанил в оконное стекло, по стенам и потолку струились причудливые тени. Иногда с улицы доносились звуки проезжающих мимо машин – и вновь наступала тишина.

Было уже далеко за полночь, а я никак не мог совладать с бессонницей. Я зажмуривал веки, пытался считать до ста, гнал от себя навязчивые мысли, но все было бесполезно. Призраки прошлого цепко держали меня. Полузабытые лица, слабый аромат растворившихся во времени дней и ночей, едва уловимые отголоски той, прежней жизни, к которой нет, и никогда не будет возврата…

Сквозь шум дождя мне послышался голос. Далекий, чистый голос итальянского мальчика, взывающего к небу. Протяжные, высокие звуки печальной песни, словно неслись откуда-то издалека, из солнечного и теплого детства: «А-а-а-ве-е, Мари-и-и-я-а-а-а-а… А-а-а-ве-е, Мари-и-и-я-а-а-а-а» Не знаю, почему возникла эта мелодия в моей душе, из каких лабиринтов подсознания выплыла она, но так явственно зазвучали вдруг эти волшебные ноты, что горло перехватило, а глазам стало горячо. «Святая Мария, матерь Божия, молись о нас грешных, ныне и в час смерти нашей… Аминь» – так, кажется, можно было перевести слова из той песни-молитвы.

Я ощутил себя слабым и одиноким. Леденящая пустота простиралась вокруг. Лишь небо давало надежду… Я знал, что завтра наступит день – и все изменится. Мир теней не выстоит против света. Надо было только дожить до утра.

1

Солнце слепило глаза. Я вышел из подъезда и направился через двор к арке.

– Привет, Роберт! – донеслось до меня.

Я обернулся и увидел Ефима, нашего дворника. Он догонял меня быстрыми торопливыми шагами.

– Извини, – смущенно произнес Ефим, поравнявшись, – рублей пятьдесят не одолжишь? На пиво…

Вид у него был слегка помятый; резкий запах винного перегара вырывался изо рта; на щеках серебрилась колючая недельная щетина, а покрасневшие близорукие глаза смотрели сквозь толстые стекла очков с ожиданием и надеждой.

– Перебрал вчера?

– А-а-а-а… – дворник махнул рукой и кротко улыбнулся.

Я полез в карман, достал деньги, протянул ему. Ефим любезно кивнул в ответ.

– Я отдам… Не сомневайся.

А я и не сомневался. В крайнем случае – не отдаст, так отработает… Ефим был, что называется, мастер на все руки: и сантехник, и электрик, и плотник… Дворником он стал по стечению обстоятельств, после неудачного развода, а до этого трудился инженером в одной промышленной компании.

Хлопнула входная дверь, на залитый солнцем двор вышел мой сосед по подъезду – Сан Саныч. Он жил на верхнем этаже, в пятикомнатной коммунальной квартире, с дочерью-студенткой и супругой. Семья занимала три комнаты из пяти. В оставшихся двух доживали свой век одинокие петербургские старушки.

Несмотря на разницу в возрасте, мы были с ним в чем-то похожи: оба приехали в Петербург из провинции; оба – представители творческих профессий: он писатель, я – режиссер; оба какую-то часть жизни отдали спорту, служили в армии… В общем, много у нас было общего, кроме одного – он был счастлив в своей семейной жизни, а я одинок.

Иногда, по-соседски Сан Саныч заглядывал ко мне в гости, в мою однокомнатную квартиру на первом этаже. Мы смотрели футбол, выпивали, болтали о женщинах, об искусстве, вспоминали прошлое. Он был интересным собеседником.

– Прекрасное утро! – воскликнул сосед, пожимая нам руки. – А ночью какой был дождь… У меня на кухне опять протекло. Ты, Ефим, забрался бы на чердак, посмотрел… Может что там подлатать надо?

– Посмотрю… – пообещал дворник. – А ты, Сан Саныч, когда мне свою новую книгу подаришь? Дописал уже?

– Скоро, две главы осталось.

– Давай-давай, – похлопал его по плечу Ефим. – Пиши, пиши…

– Ты куда? – Сан Саныч повернулся ко мне. – На работу?

– Да.

– Подвезти?

– Нет, я пешком. Прогуляюсь…

Сан Саныч понимающе улыбнулся.

– Твоя-то «ласточка» как, бегает? – спросил он.

– Бегает, чего ей сделается. Надо только масло поменять… – ответил я. – Кстати, говорят, скоро наш дом на капитальный ремонт закроют?

– Чушь собачья, – уверенно заявил Ефим. – Я сколько лет уже это слышу. И про капитальный ремонт, и про расселение, и про то, что здесь якобы гостиницу сделают…

– Да-а, не хотелось бы никуда отсюда съезжать, – вздохнул Сан Саныч. – Душа к этим стенам прикипела.

Дом, в котором мы живем – старинный особняк графа Кушелева-Безбородько. Этому дому уже много-много лет. Он стоит на углу набережной Кутузова и Гагаринской улицы. В конце XIX века здесь размещалась Кушелевская картинная галерея, позднее вошедшая в состав Эрмитажа и других музеев. Многих знаменитостей помнит этот особняк. В разные годы здесь можно было увидеть известного авантюриста графа Калиостро, классика русской литературы Тургенева, поэта Сергея Есенина. В 20-х годах прошлого века в здании работала «Фабрика эксцентрического актёра», организованная кинорежиссёрами Козинцевым и Траубергом. Каждый камень здесь дышит историей, хранит отголоски давно минувших дней.

Я вышел из арки на улицу. Свежий прохладный ветер, внезапно налетевший со стороны реки, взъерошил мне волосы. Крейсер «Аврора» привычным силуэтом маячил на том берегу, в развилке Невы и Большой Невки.

Шагая вдоль набережной, я любовался открывшимся простором. Не часто в Петербурге бывают такие солнечные деньки, но именно в это время город как-то по-особенному преображается, скидывает серые неброские одежды, становится ярким и привлекательным.

Мне вспомнилось, с каким восторгом первое время после переезда в Северную столицу, бродил я по этим улицам, проспектам, бульварам, площадям. Это была какая-то эйфория, ни с чем несравнимое, пьянящее чувство всепоглощающей радости… «Неужели, – думал я, – и завтра, и через месяц, и через год этот город будет моим. Морозной вьюжной зимой, и солнечным знойным летом; утомленный серыми буднями, и цветущий от праздничного убранства» Удивительным казалось мне и то, что бесконечно долго можно было ехать по городу, а он все никак не кончался. Машины, люди, дома… Куда ни взгляни – всюду бурлила, кипела жизнь. Эти чувства никогда не понять тем, кто изначально родился и вырос в мегаполисе.

Я пересек Фонтанку, прошел мимо Летнего сада, свернул к Троицкому мосту. За ним, насколько хватало глазу, простиралась Петроградская сторона. От моста до Каменноостровского проспекта, где я работал, было рукой подать.

На проходной «Ленфильма» я увидел Николь. Она шла навстречу грациозной походкой манекенщицы.

– О, Роберт, ты как на свадьбу! – весело воскликнула девушка, проходя сквозь турникет. Я улыбнулся… Это Николь так приветствовала меня, отметив мое парадное облачение. Я был в новом костюме и при галстуке. Свадьба, конечно, была тут ни при чем, просто сегодня у меня намечалась встреча с клиентом. А для подобных моментов я всегда старался одеться с иголочки. Клиент в нашем деле – это святое.

Фирма, в которой я работаю, арендует на «Ленфильме» несколько помещений. У нас четыре монтажки, съемочный павильон и своя студия звукозаписи. Мы занимаемся видеопроизводством: делаем документальные фильмы для различных телеканалов, снимаем рекламные ролики, представительские и учебные ленты. Смуглолицая мулатка Николь давно сотрудничает с нашей телекомпанией. В свое время она вместе с братьями приехала в Петербург откуда-то из Африки. Сначала работала манекенщицей, потом – продюсером; подружилась с нашим оператором, в общем – стала своей.

– Послушай, Роберт, – сказала Николь, – там тебе какая-то Ирина звонила. Просила, чтобы ты с ней связался. Телефон я записала, он у тебя на столе.

– Спасибо, – поблагодарил я. – А что за Ирина, откуда?

– Не в курсе. По-моему, что-то со строительством связано… Названия фирмы не помню. Позвони.

Показав охраннику пропуск, я прошел через турникет и зашагал по широкому коридору. Навстречу мне попались трое офицеров в форме СС, эффектная дама в роскошном бальном платье, какие-то темные небритые личности в спортивных штанах, толпа молодежи в ярких

карнавальных костюмах. Двери одного из съемочных павильонов были открыты – оттуда выводили под уздцы пару гнедых лошадей. Жизнь на киностудии шла своим чередом. Где-то снимали фильм, где-то музыкальный клип… Несколько раз взгляд подсознательно фиксировал знакомые медийные лица, но я даже головы не повернул – привык.

Я поднялся по лестнице на последний этаж, открыл электронным ключом серую железную дверь и, миновав полутемный пустынный холл, вошел в свой кабинет. Возле компьютера лежала записка с номером телефона. Это была известная мне строительная компания «Монолит». Я позвонил.

– Здравствуйте, Ирина.

– Здравствуйте, Роберт, – ответил в трубке приятный женский голос. – Нам нужен рекламный ролик. Не могли бы вы к нам сегодня подъехать?

– Конечно… Вот только дождусь одного человека. Я должен ему кое-что передать. И потом – сразу к вам… А что за ролик? Не тот, что мы с вами прежде снимать хотели?

– Приезжайте, обсудим, с начальством пообщаетесь. На месте все решим.

– Ладно, до встречи.

С компанией «Монолит» я сотрудничаю уже больше года. За это время мы сделали пару недорогих компьютерных роликов для размещения на телевидении. Потом они решили снять кое-что помасштабнее. Я предложил игровой костюмированный вариант… Идея понравилась. Сценарий ролика выглядел так. Царь Иван Грозный выходит на балкон, обводит взглядом округу: «Лепота-а-а!» В кадре – вид города сверху, панорама новостроек. Бодрый голос за кадром сообщает, что дом у Ледового дворца к заселению готов. Царь на коньках едет по льду. Слышны звуки: «Вжик-вжик!»

На всякий случай связались с «Мосфильмом» насчет авторских прав. Мало ли, вдруг посчитают это нарушением? Ведь образ царя на балконе уже был заявлен в одной из известных комедий. Ответ пришел быстро – возражений не было. Вот только в личном разговоре по телефону, прозвучало сомнение: дескать, мы-то, как правообладатели ничего против не имеем, но, а что если кто из творческой группы проявит принципиальность и воспротивится? В общем, после некоторых раздумий, решили не торопиться. Потом запал поутих, клиент куда-то надолго исчез… И вот – звонок.

Офис компании «Монолит» размещался на Сенной площади, в двух шагах от метро. Ирина встретила меня и проводила в приемную генерального директора. По дороге она успела в общих чертах рассказать о предстоящей работе.

– Ролик должен быть презентабельным, дорогим… Размещать его мы планируем на первом канале. Закадровый текст Станислав сам придумал. Вам необходимо довести все это до ума, сделать раскадровку.

– Сроки?

– Месяца полтора-два у нас на это есть.

– Хорошо… А где надо будет снимать? В помещении или на улице?

– На улице, – Ирина озорно встряхнула копной рыжих волос и поправила косую челку. – Да расстегните вы пиджак, Роберт… Сегодня такая жара.

– Да-да, – я машинально расстегнул пуговицу. – А насчет бюджета вы не в курсе? Хотя бы понять, в каких пределах…

– Сейчас Станислав сам все расскажет.

Генеральный директор Станислав Зименков радушно поднялся из-за стола нам навстречу. Он был высок, худощав, резок в движениях; говорил быстро, активно помогая себе при этом жестами. Казалось, внутри у него спрятана какая-то пружина, которая ни на минуту не дает ему покоя.

– Вот текст, посмотрите, – Станислав протянул мне исписанный от руки листок. – Что скажете?

Я быстро пробежал глазами текст, слегка спотыкаясь в тех местах, где написанное читалось неразборчиво.

«Чего хочет женщина?.. Почувствовать освобождение от ежедневных проблем. Быть уверенной в завтрашнем дне. Знать, что тебя понимают любимые. Не играть, а просто быть собой…»

– Да, и в конце, – Станислав нервно потер ладонью гладко выбритый подбородок, – что-нибудь такое – «Дом «Монолит»! Лучший дом для моей семьи!»

Я согласно кивнул и предложил:

– Можно еще добавить номер телефона.

Станислав на секунду задумался.

– Корпорация «Монолит». Пять-пять-пять, восемь-восемь, пять-пять…

– Гениально, – улыбнулась Ирина.

Я почувствовал легкое волнение. Так бывает всегда перед началом работы. Еще неизвестно что и как ты будешь снимать, непонятно вообще получиться ли что-нибудь из этого; а тебе уже верят, на тебя надеются, и подвести людей ты не имеешь права.

– Главной героиней должна быть женщина, – продолжал между тем Станислав. – Она вышла на утреннюю пробежку… Парк, деревья… Вы видели фильм «Чего хотят женщины»?

– Ну, так… – ушел я от ответа.

– Надо снять что-то похожее. Вот она бежит, размышляет… Такой внутренний монолог. Потом заходит в дом, а там – семья: маленький сын, муж… Она счастлива…

– Потому что живет в доме, который построила корпорация «Монолит», – вставила Ирина.

Теплый ветер тугой волной ворвался в приоткрытое окно, со стола полетели бумаги. Судя по тому, как разом потемнело небо – надвигалась гроза. Станислав притворил тяжелую оконную раму, мы с Ириной собрали разлетевшиеся по кабинету листы. Отдаленный рокочущий гром послышался сквозь стекло.

«Вот это да! А я, как назло, без зонта, – мелькнула запоздалая мысль. – Костюм жалко… Всего пару раз надел».

– Когда вы, Роберт, готовы будете приступить? – спросил Станислав, слегка опираясь на выгнутую спинку роскошного стула.

– Хоть завтра… Надо собрать съемочную группу, найти подходящую натуру, определиться с актерами. Недели две уйдет на подготовительный период.

– Хорошо. А что по деньгам?

– Если вы хотите, чтобы ролик выглядел солидно, я бы посоветовал вам снимать на кинопленку. А это – несколько десятков тысяч долларов. Точно сумму пока назвать не могу, надо составить смету. Но порядок цен такой…

Станислав задумчиво почесал затылок.

– Надо подумать, с партнерами посоветоваться. Завтра Ирина с вами свяжется.

– Ладно, – я поднялся. – Если что, звоните в любой момент.

На прощание Ирина сунула мне в руки зонт. Я попытался отказаться, но она была настойчива.

– Возьмите, Роберт, не упрямьтесь. Вы же видите, какой на улице дождь.

– А сами как?

– У меня есть запасной, – улыбнулась Ирина.

Я вышел на опустевшую, залитую дождем площадь и, прикрываясь зонтом, побежал к метро. Возле входа толпился народ, поэтому мне не сразу удалось проникнуть внутрь. Стиснутый со всех сторон, я на какое-то время исчез в людском водовороте. Затем могучая сила

толпы, словно щепку бросила меня вперед, и, протащив сквозь стеклянные двери, увлекла к турникетам.

Спускаясь по эскалатору, я увидел знакомого, он стоял на несколько ступенек ниже. Мы с ним вместе учились в автошколе. Я догнал его на переходе.

– Привет, Роберт! – обрадовался он. – Вот так встреча!

Нам было по пути, и мы сели в одну электричку.

По дороге приятель рассказал о своей поездке в Америку. Я слушал его в пол уха, изредка кивая головой и рассеянно улыбаясь… Пока не прозвучало это имя – Анна. Я невольно напрягся. Хотя, казалось бы, мало ли в Нью-Йорке русских эмигранток с таким именем?

– Мы с женой за это время у них дома не раз побывали, – продолжал рассказывать мой знакомый. – Очень гостеприимная пара… Виталий там бизнес какой-то имеет, а Аня преподает в танцевальной школе. Она, кстати, раньше в Мариинке работала.

Я почувствовал, как дрогнуло сердце. Не слишком ли много совпадений?

– Вот, взгляни… – приятель открыл ноутбук. – Жена снимала.

Я не поверил глазам. С фотографий смотрела она – та самая Аня-Анечка-Анюта; девушка, которую я когда-то любил и с которой давно расстался. Конечно, время наложило на нее свой отпечаток, она изменилась, повзрослела, превратилась в солидную ухоженную тридцатилетнюю женщину, но неизменными остались эта озорная улыбка, этот загадочный взгляд… Давно угасшее, полузабытое чувство снова возникло в душе и с тихой нежностью напомнило о прошлом.

На некоторых фото она была вместе с дочерью и мужем. Я поймал себя на том, что ревниво всматриваюсь в мужское лицо. Темные, слегка вьющиеся волосы, внушительный нос с горбинкой, близко посаженные черные глаза, легкая небритость… Аня была совсем другой – светловолосая, с серо-голубыми глазами, нордического типа. А дочь – копия отца.

Подумалось, что все могло бы сложиться иначе. И эта девочка рядом с ней была бы сейчас похожа на меня. Если бы… Если бы мне не пришлось тогда, много лет назад сделать этот тяжелый выбор.

2

Мы познакомились ранней весной, когда на Неве еще стоял лед, а прозрачные серые дни были ветрены и прохладны. Я работал тогда в газете и мне поручили сделать материал о Мариинском театре. В качестве сопровождающего выделили одну из сотрудниц – молодую девушку по имени Аня.

Поначалу она не вызвала у меня особого интереса. Подумаешь, балерина… Одета в какой-то серый бесформенный пиджак, такую же серую тяжелую юбку – ни спереди, ни сзади ничего выдающегося нет. Это только потом, какое-то время спустя я смог по достоинству оценить ее великолепную фигуру. А тогда еще думал, стоит ли продолжать знакомство?

Первое наше свидание состоялось две недели спустя, на Невском проспекте. Я встретил Аню на выходе из метро Гостиный двор, пригласил в кафе, предложил выпить по бокалу шампанского. Она не отказалась… Но перед этим мы долго гуляли по Невскому. День выдался солнечным и теплым. Пестрая нарядная толпа рекой текла по широкому тротуару и, затерявшись в этом праздничном шумном многолюдье, мы шли и шли, куда глаза глядят. Аня рассказывала о себе, я тоже… Мне было легко с ней общаться. Может быть потому, что я чувствовал ее интерес, а может быть оттого, что совсем не стремился ей понравиться. Ведь с самого начала я знал – это ненадолго. Еще там, в театре, она призналась мне, что скоро уедет. И нам обоим было ясно, что наше свидание, и все последующие встречи, если даже они еще когда-нибудь состоятся – это все так, несерьезно; мимолетное приключение, не более того…

Мы сидели за столиком в кафе, беззаботно болтали и пили шампанское. В тонком берете и легком приталенном пальто, Аня выглядела совсем юной. Я был очарован ее невероятной женственностью, которая таилась в каждом движении, в каждом жесте, в тихом нежном голосе и кротком взгляде из-под опущенных длинных ресниц. Пожалуй, она была даже красивой. Но красота ее была какая-то скромная, неброская, неприметная. Нужно было время, чтобы разглядеть. По правде сказать, такой типаж я раньше бы и не заметил. Мне всегда нравились девушки яркие, веселые, озорные… А тут словно впервые открыл для себя какое-то иное измерение.

После кафе мы снова отправились гулять. Свернули с Невского, пересекли Дворцовую площадь и возле Эрмитажа вышли на набережную. Нева уже вскрылась. Огромные льдины в обрамлении мелких осколков и снежного крошева не спеша плыли вниз по течению. Опершись о гранитный парапет, мы, молча, стояли рядом и смотрели на воду, в которой отражались яркое весеннее солнце и синее небо, с белыми пушистыми облаками.

С реки потянуло прохладой, Аня зябко поежилась. Я бережно взял ее ладонь в свою, ощутив холод замерзших пальцев. Мы долго стояли так, не шевелясь, глядели на проплывающие льдины. Вокруг не было никого, и я подумал, что это прекрасная возможность ее поцеловать, но отчего-то не решился.

На обратном пути Аня взяла меня под руку. Это еще больше сблизило нас. Я приободрился, осмелел и пригласил ее к себе в гости.

– Хорошо, я подумаю, – кокетливо улыбнулась она. – Позвони мне в пятницу.

– Обязательно… Обязательно, позвоню!

Радость переполняла меня, я почти не сомневался, что Аня придет. Предчувствие романтического приключения кружило голову, заставляло радостно биться сердце. Я уже достаточно долго оставался один и был рад, что в моей судьбе, наконец, обозначились перемены. Мне нужна была передышка. Хотя бы ненадолго, хотя бы на время, а там… Жизнь покажет.

*** * ***

– Дзы-ы-ы-ынь!

Резкая трель от входной двери царапнула по нервам. Я машинально поднялся, вышел в прихожую, щелкнул замком. Привычка… Никак не могу заставить себя спросить «Кто?», или хотя бы в глазок поглядеть. Сразу открываю.

– Роберт, извини, что без звонка, – в дверях стоял мой сосед сверху, Сан Саныч, – Жена с дочкой уехали… Дай, думаю, зайду к соседу, проведаю. Сильно занят?

– Да так… – я неопределенно пожал плечами.

– У меня предложение, – Сан Саныч интригующе зашуршал увесистым пакетом. – Давай, по коньячку…

– Заходите, – я впустил его в прихожую. – По коньячку, значит?

– Конечно, – Сан Саныч расцвел в улыбке.

– Ладно… Уговорили.

Я забрал у него пакет и отправился на кухню. Надо было что-нибудь приготовить на закуску. Пока я нарезал колбасу и открывал консервы, Сан Саныч расположился на диване.

– «Шербурские зонтики» смотришь? – донесся из комнаты его голос.

– Что? – не сразу понял я, о чем речь, потом, однако, сообразил. – Ах, да, да… Смотрю.

– Одобряю… Классика жанра.

Очевидно, он наткнулся на диск, который был на столике, возле дивана. Я действительно недавно смотрел этот фильм. И не один раз…Но совсем не потому, что являюсь фанатичным поклонником этой старой ленты. Хотя фильм, безусловно, великолепный, не напрасно удостоенный «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля. Просто была у меня на это своя причина, о которой Сан Санычу не расскажешь… Дело в том, что главная героиня там – копия девушки, с которой я когда-то встречался, той самой Ани, живущей нынче за океаном. У меня не осталось ни одной ее фотографии. Из суеверных соображений, пока мы встречались, я не просил у нее фото и не фотографировался вместе. Где-то слышал, что дарить фото – к разлуке. Да и в начале наших отношений у меня не было такой необходимости… Позже, мне казалось, что так я смогу обмануть судьбу, оттянуть разлуку. А потом – все это стало и вовсе бессмысленным…

– Да, сейчас так не снимают, – продолжал Сан Саныч из комнаты. – Ремиксы… Взялись вот старые фильмы на новый лад переделывать. Своего-то придумать ничего не могут. А денег и славы хочется… Но ведь зрителя не обманешь. Это бизнес-проекты, а не искусство.

– Все готово! Прошу к столу, – прервал я его недовольное бурчание.

Сан Саныч поднялся с дивана, заглянул в кухню, оглядел наспех накрытый стол. На лице его отразилось удовлетворение.

– Вот это я понимаю… Дай-ка сюда рюмки.

Мы выпили, закусили, чем бог послал.

– Я нынешнее кино смотреть не могу, – не отставал от своей темы Сан Саныч. – Приличных фильмов – по пальцам пересчитать. Не то, что раньше…

– Может просто время сегодня другое, – робко вставил я.

– Время? – мой собеседник горько усмехнулся. – Время, конечно, другое… Я хорошо помню, как все менялось тогда, в начале девяностых… Когда несметные толпы устремились в видеосалоны смотреть запретное кино. И ладно бы только секс, что само по себе понятно – в диковинку… Так ведь нет, все подряд глотали: какие-то фильмы-ужасы, низкопробные боевики, фэнтези… Люди, воспитанные на высокодуховной литературе, на прекрасных фильмах – жрали это вонючее, уродливое пойло, как свиньи из корыта и убеждали себя в том, что это и есть настоящее искусство.

Сан Саныч тяжело вздохнул, ладонью пригладил коротко стриженные седые волосы.

– Ты мне скажи, Роберт, почему мы все время оглядываемся на Запад? По любому поводу… Вот в США – так, в Европе – так… Но это же все равно, что решая какую-то проблему

внутри своей семьи, кивать на соседей: вот у Абдуллы – так, а у Мойши – так… А у самого-то голова есть? Откуда эта вечная неуверенность в своей правоте, эта лакейская потребность услужливо стелиться перед любым чужестранцем?

– Да, – я согласно кивнул, – какую сферу жизни ни возьми… Как будто там, за бугром, запатентовано право на истину… В кино вот тоже с Голливудом зачем-то пытаемся тягаться. Смотришь иную картину – просто калька с какого-нибудь тамошнего шедевра. Но ведь любому понятно, что копия всегда будет проигрывать оригиналу… Наша классика я считаю, ничем не хуже. Просто это абсолютно другое направление. У них в основе – действие, у нас – глубина…

– А еще, знаешь, что меня раздражает? – продолжал возмущаться Сан Саныч. – Эстетика уродства… Современное искусство отравлено ядом пошлости и порока. Когда сняли ограничения, отменили запреты – все это буквально хлынуло в нашу жизнь. Настоящие творцы разом поникли, отступили в тень, а на первый план выбрался новый человеческий тип: энергичный, нахрапистый, наглый. И эти люди, которые сегодня определяют развитие культуры, вольно или невольно навязывают свои представления о прекрасном. Дошло до того, что шепелявые ведущие на телевидении появились… Вообще, телевидение – это отдельная песня. Оно словно зеркало, отражает состояние, в котором находится наше общество. Негатив, агрессия, внедрение деструктивной морали… Ничего святого не осталось. Впрочем, может быть, я просто устал…

– Скоро у вас выйдет новая книга?

– Две главы еще осталось.

– Это сколько страниц?

– Страниц тридцать, наверное… За пару месяцев успею дописать.

– А чего так долго? – нарочно поддел я Сан Саныча. – Некоторые столько за день выдают.

– Кто это? – обиженно вскинулся мой сосед. – Уж не ты ли?

– Ха-ха-ха! Нет, не я… В газете вот на днях интервью с одной дамой-писательницей прочел. Так она на полном серьезе утверждает, что пока с утра двадцать пять страниц не выдаст, обедать не садится. Причем пишет только от руки.

– Двадцать пять?

– Точно.

– В каждый день?

– Естественно… И вообще, говорит, написать роман за месяц – для нее не проблема.

– Вот зараза! – Сан Саныч хлопнул себя ладонью по колену. – Надо же… И ведь верят, небось, люди-то?

– Кто-то возможно и верит.

– Нет, ну ты подумай… Что такое написать двадцать пять страниц текста? Да ты просто с книжки от руки их перепиши – уже утомишься… Толстой «Войну и мир» шесть лет писал, Булгаков «Мастера и Маргариту» – двенадцать, Иванов «Вечный зов» – тринадцать… А тут раз, за месяц, – и готово!

Сан Саныч разошелся не на шутку. Я и не думал, что его так заденет эта, в общем-то, безобидная тема.

– Однажды Бунин в разговоре с журналистом признался: дескать, больше двух страниц в день написать не могу. «Почему?» – удивился журналист. «Просто не могу – и все», – ответил писатель… Понимаешь? Какая мера ответственности, какое отношение к слову, к делу своему… Настоящий художник всегда творит с сомнениями, с болью; стремится сделать так, чтобы читатель сопереживал, рос духовно, становился чище и добрее. Но сейчас такая литература никому не нужна. На ней не заработаешь… А все, что не приносит дохода, в нынешнее время – не заслуживает внимания.

Мой собеседник замолчал, устало провел ладонью по лицу. Я не знал, что сказать, чем утешить его. Какой-то невеселый у нас получался разговор.

– Заниматься литературой сегодня – сродни духовному подвигу, – печально продолжил Сан Саныч. – Ни славы, ни денег это не дает… Раньше, лет двадцать назад, писатель был уважаемой, значимой фигурой, а сейчас – непонятно кто. Иногда даже стесняюсь признаться, что пишу, вот до чего дошел.

– Конечно, – согласился я, – без государственной поддержки литературе нелегко. Но вряд ли в ближайшее время что-либо изменится. Сейчас у нас другое мироустройство. И вообще… Может быть литература уже никогда, не будет играть такой роли в общественной жизни, как в прошлые века. Когда не было ни радио, ни телевидения, ни интернета…

– Не знаю, при социализме уже существовали и радио и телевидение, но это не мешало нам быть самой читающей страной в мире. Просто нет на то государственной воли. Может быть там, наверху, думают, что необразованной и неграмотной массой легче управлять? Ошибаются… Человек не развитый духовно – опасен; от него не сострадания, ни пощады не жди. Его надо воспитывать. А как воспитывать, на чем?.. Сказки – это литература; кино и театр – тоже литература; песни, юмор, стихи – опять литература; да куда не коснись – всюду изначально автор присутствует.

Сан Саныч посмотрел на меня. В печальных глазах его застыла решимость.

– Что бы там ни было, а я с пути не сверну. Буду стоять до конца, как солдат в окопе.

На мгновение он и вправду показался мне таким солдатом – уставшим, израненным… Вокруг которого все товарищи побиты, бастион разрушен, а он продолжает сражаться: без веры, без надежды – просто, потому что не может сдаться и отступить.

*** * ***

В пятницу, как договаривались, я позвонил Ане и на следующий день мы встретились возле метро. Я пригласил ее к себе, по пути соображая, как себя вести, чтобы не оказаться в глупом положении. Ведь если девушка принимает подобное приглашение, то велика вероятность, что самые смелые мужские мечты могут осуществиться… А мы еще даже ни разу не целовались.

Аня шла рядом. Я слегка касался ее плечом. Тонкий аромат духов долетал до меня вместе с запахами весенних улиц. День был солнечный, ослепительно яркий. Это было время, когда деревья стояли еще совсем голые, без листвы и на земле тоже не было видно ни малейших признаков зелени. Только сухие клочья прошлогодней травы слегка качались под слабым ветром. Я поймал себя на мысли, что в последние годы как-то проскакивал этот период, почти не замечая его. Раз, и все уже цветет… Теперь я словно заново погружался в эту волнующую атмосферу предчувствия. Когда все еще только-только начинается, все впереди.

Прежде чем войти в дом Аня захотела посмотреть на «Аврору». Мы перешли дорогу и оказались на набережной Невы. Подернутая мелкой рябью вода была темно-синего цвета – словно в ней растворилось небо. И солнечные зайчики весело прыгали по волнам, отражая от поверхности яркие блики.

Мы стояли рядом, смотрели на раскинувшийся простор. Свежий ветер тугой волной то и дело налетал с реки, обдавая лицо весенней прохладой.

– Морем пахнет, – тихо сказала Аня, поворачиваясь ко мне.

– Да, – так же негромко ответил я и придвинулся к ней ближе.

Вокруг не было никого. Только одинокий велосипедист, потихоньку накручивая педали, медленно двигался в нашем направлении со стороны Троицкого моста.

– Холодно? – спросил я, робко обнимая ее за талию.

– Нет, – смутившись, улыбнулась она. – Просто ветер…

Я приблизил Аню к себе. Она податливо уступила, щеки ее слегка заалели. Набравшись решимости, я приник губами к ее губам, ощутив их трепетное живое тепло и едва уловимую

ответную нежность. Все разом исчезло куда-то, пропало, унеслось… Только я и она, только мы вдвоем остались на этой пустынной, обезлюдевшей планете.

Шум проезжавших мимо машин вернул нас к действительности. Я выпустил Аню из объятий и увидел удаляющегося велосипедиста. Он уже подъезжал к Литейному мосту.

Потом мы долго не могли перейти дорогу. Поток стремительно несущихся машин преградил нам путь. Пришлось долго ждать, пока с той и с другой стороны не наметился просвет.

Я взял Аню за руку и увлек за собой. Мы бегом проскочили опасный участок и оказались возле самого дома. Почему-то мне не хотелось, чтобы навстречу попался кто-нибудь из соседей.

В подъезде царил полумрак. Тусклая лампочка слабо светила над входом. Я пропустил Аню вперед, заметив, как она взволнована. Да мне и самому было как-то не по себе.

Пока я возился с замком, она, молча, стояла рядом, ждала. Наконец дверь распахнулась и мы вошли. В прихожей я помог ей раздеться.

– Ну, вот, здесь я и живу… Хочешь, тапки надень.

– Спасибо… – сказала Аня и с любопытством принялась изучать мое жилище.

Когда она сняла берет, я заметил, что волосы у нее в кудряшках. Это меня глубоко тронуло: ведь, без сомнения, завилась она не просто так, а именно для меня – чтобы мне понравиться.

Я обнял ее за плечи.

– Ты сегодня такая красивая.

– Ты тоже… – Аня улыбнулась. – Интересный мужчина.

Ее лицо было совсем рядом, и я не кривил душой – она действительно казалась мне сегодня красивой. Тонкие линии бровей; бездонная глубина серых глаз; изящный, чуть вздернутый носик; струящиеся волнами длинные светлые волосы – все это придавало ее образу очаровательную женственность и утонченность.

«Может быть, предложить ей чаю?» – отрешенно подумал я, но вместо этого поцеловал в губы. Привстав на носки, она доверчиво подалась мне навстречу…

Мы целовались и не могли остановиться; как не в силах остановиться истомленный жаждой путник, припавший к ковшу с родниковой водой. Пьянящая, безумная страсть совлекла с нас одежды, бросила на шелк простыней и наши тела слились воедино. Вне времени и пространства мы парили где-то далеко, растворившись в вечности, потеряв свое «я»; не осознавая и не чувствуя ничего, кроме блаженства; постигая одну на двоих – загадочную, великую и невыразимо сладостную тайну бытия.

Потом мы лежали рядом, обнявшись, и мягкий солнечный свет падал на нас сквозь тонкие тюлевые шторы. На душе у меня было радостно и легко, словно в далеком-далеком детстве. Не хотелось ни о чем говорить, чтобы не потревожить эту благостную тишину.

Когда, наконец, мы встали и начали одеваться, Аня обнаружила, что на пальце у нее нет кольца. Мы перерыли весь диван, осмотрели все вокруг, но нигде не смогли отыскать пропажу.

– Потом обязательно найду, – уверенно пообещал я, но, кстати сказать – так и не нашел. Куда оно подевалось?.. Во всем этом мне почудился какой-то загадочный, тайный смысл.

Обратно к метро мы шли уже под руку. Шагая сбоку, она доверчиво прижималась ко мне. Незримая связь возникла межу нами. Первому встречному теперь было ясно – мы не чужие… А вокруг бушевала весна и город, ошалев от долгожданного тепла, был полон лихого, отчаянного веселья. Шумела на проспектах оживленная толпа, щурились от солнца старики в скверах, беспечно играли дети во дворах, и какой-то бесшабашный водитель в красном нарядном джемпере, высунувшись из окна своей крутой иномарки, беззлобно орал на прохожих: «Куда прете? Нет здесь перехода!» При этом с лица его не сходила улыбка.

Мне захотелось остановить время, продлить эти легкие, неуловимые мгновения счастья; удержать безмятежность, спокойствие и радость в душе: ведь я уже знал – все проходит, и нет

ничего вечного на земле. Но так хотелось сегодня забыть эту мудрость, стать снова наивным, поверить в свою звезду.

3

Компания «Монолит» все-таки решила снимать рекламный ролик. Ирина позвонила мне спустя три недели, пригласила в офис. Я захватил подготовленный договор, мы подписали его, и теперь дело оставалось за малым – снять, смонтировать, озвучить и отдать заказчику готовый продукт, предварительно договорившись с размещением на Первом телеканале.

Заканчивался август, и надо было успеть провести съемку до наступления периода затяжных дождей. Всем известно, какая в Петербурге осень. В серый дождливый день сделать картинку яркой и презентабельной при всем желании не получится. Поэтому я не откладывая, начал формировать съемочную группу.

Главной задачей было – найти опытного оператора. Вообще, знакомых операторов у меня достаточно. Но здесь требовался особый специалист, умеющий работать с кинопленкой. Один из моих приятелей, знающий это дело сейчас снимал какой-то сериал и не мог поучаствовать. Другой был в длительной командировке… Коллеги вошли в мое положение и порекомендовали пару человек. Я позвонил по первому телефону, но он оказался недоступен. Второй абонент ответил… Оператора звали Аркадий, он согласился встретиться и обсудить проект. Встречу назначили в кафе Ленфильма.

Аркадий оказался неплохим парнем и произвел впечатление человека уверенного в себе. Это для меня было немаловажно, поскольку за результат я отвечал сполна, и здесь нельзя было ошибиться.

За чашкой чая мы оговорили детали предстоящих съемок, определились с суммой за оплату съемочного дня. Признаться, порядок цен меня немного смутил. Я привык, что мои операторы работали по более гуманным расценкам. Но, подумав, все же согласился… Даже после того, как Аркадий заявил, что без второго оператора работать не сможет. А это – еще дополнительные расходы.

Прихлебывая из чашки горячий чай, я продолжал внимательно изучать его. Среднего роста, круглолицый, с зачесанными назад волосами, модные солнечные очки на лбу… Ничего такого, чтобы вызывало отторжение и неприятие ни во внешнем виде, ни в манере разговора я не нашел.

«Нет, определенно, надо соглашаться, – решил я. – Тем более, что и выбора особого нет».

Мы ударили по рукам и договорились в ближайшее время выехать на «локейшен», чтобы совместно утвердить подходящую натуру. Кроме того, Аркадий порекомендовал мне бригадира по аренде кинооборудования. И хотя изначально я планировал сам заниматься подбором необходимой кинотехники, чтобы сэкономить – предложение меня устроило. Пусть будет дороже, но зато всё в одних руках.

Еще одной проблемой, которую необходимо было решить, являлся подбор актеров. Причем надо было не только найти подходящие типажи, но и обязательно согласовать кандидатуры с заказчиком. Я позвонил знакомой девушке Карине и предложил поучаствовать в проекте в качестве ассистента по актерам. Поскольку она сама была с актерским образованием, и мы с ней уже работали, мне показалось, что это неплохой вариант. Карина без колебаний согласилась.

Теперь оставалось найти толкового администратора. На эту должность я решил позвать Настю – представительницу одного известного в городе модельного агентства, с которой мы были тоже достаточно давно знакомы и неоднократно вместе участвовали в съемках. С Настей так же не возникло проблем – она ответила согласием.

Таким образом, костяк съемочной группы был сформирован. Оставалось составить план действий и приступить к его реализации.

В актерском отделе Ленфильма мы с Кариной провели несколько часов. Пересматривали картотеки с данными потенциальных претендентов, сортировали их по типажам, по возрастным группам. Руководитель отдела Нина Александровна и ее помощница любезно помогали нам в этом.

– Вот, посмотрите, какой мужчина. Высокий, прекрасно сложен, лицо…

– А этого не хотите? Брутальный, мужественный… Настоящий мачо.

Мы благодарили, откладывали учетную карточку с несколькими фото и биографией актера в стопку и смотрели дальше.

Выбор был очень большой. В огромных длинных ящиках – десятки карточек на каждую букву алфавита. Мужчины, женщины, дети – отдельно; типажи, начинающие и опытные актеры так же рассортированы по разным местам.

В глазах уже рябит от портретов, анкет, номеров телефонов и адресов. Но хочется отсмотреть всех, чтобы не пропустить тех, кто нам нужен. А нужны нам три человека – мама, папа и ребенок. Такая вот счастливая среднестатистическая семья.

Легче всего было с молодыми мужчинами. Мы отобрали их человек семь – тех, кто, на мой взгляд, подходил больше. С женщинами оказалось сложнее. Почему-то ни одна из них не устраивала меня на сто процентов. Может быть потому, что подсознательно я искал свой типаж, который бы отвечал именно моим представлениям о прекрасном. В конце концов, я устал, махнул на это рукой, решив: главное – чтобы заказчику понравилось. Карина отложила в сторону десятка полтора женских анкет, и мы перешли к поиску детей. Мальчик, девочка, мальчик, девочка… Набралось тоже где-то с десяток.

Утомившись, мы прихватили с собой отобранные анкеты, клятвенно пообещав вернуть их сразу же после кастинга, и отправились пить кофе. Надо было еще оговорить некоторые детали и определиться, на какой день приглашать народ для отбора кандидатов.

Кастинг мы решили проводить в три этапа: сначала отсмотреть детей, потом женщин, затем, в самом конце, мужчин. Начало мероприятия наметили на десять утра. Предварительно Карина обзвонила всех претендентов, согласовала с ними дату и время.

С утра на проходной Ленфильма было многолюдно. Родители с детьми гурьбой толпились возле бюро пропусков. Карина дождалась, пока все соберутся, и проводила их к нашему офису.

Я уже сидел за столом, передо мной стопкой лежали анкеты, чистый лист бумаги для пометок и небольшая видеокамера. В просторной комнате был только стол и пара стульев. Ничего лишнего…

Не первый раз я уже проводил подобные кастинги, и всегда при этом ощущал некоторое неудобство. Отчего-то неловко было перед родителями и детьми; да и перед взрослыми претендентами – тоже. Ведь доля того, что кто-то из них попадет в кадр – ничтожно мала. И даже если кто-то понравится мне, не факт, что его одобрит заказчик.

– Можно? – спросила Карина, заглядывая в приоткрытую дверь.

– Да, – кивнул я, – пожалуйста.

Дети пошли один за другим. Я беседовал с каждым ребенком, мысленно представляя его в кадре. Но то, что я видел, никак не совпадало с тем, что я себе представлял… Хотя среди этих ребят, безусловно, были и одаренные, и фотогеничные. Но…

В итоге я отобрал три анкеты и, заснял на видеокамеру двух мальчиков и одну девочку – для согласования с заказчиком. Хотя в глубине души остался недоволен. Не было внутренней уверенности, что кто-то из них на все сто подойдет. Даже если кого-то из них и одобрит заказчик.

С девушками – молодыми мамами – получилось то же самое. Я общался с каждой из них, присматривался, но так никого для себя и не выбрал. Снял на камеру четверых – наиболее фотогеничных – для заказчика, но при этом внутренний голос упрямо твердил: не то, не то…

Мужской кастинг немного обнадежил. По крайне мере двое из семи претендентов меня устроили.

Но все-таки общий итог оставлял желать лучшего. «Мамы» – нет, «ребенка» – нет… На душе было тягостно. Идти к заказчику на утверждение с таким багажом не хотелось.

И вдруг меня осенило – а Настя, мой администратор?! Это же профессиональная модель, причем одна из лучших и востребованных в своем агентстве. Как же я сразу не сообразил. Понятно, надеялся увидеть что-то новенькое… А к Насте уже привык. Но, между прочим, я был у нее в должниках. Этим летом уже сватал ее в проект в качестве главной героини.

Должны были снимать ролик для английского банка. Утвердили сценарий, актеров, получили предоплату, изрядно потратились на подготовку, назначили съемочный день. И вдруг – бац! – отмена! Без каких-либо внятных объяснений… Я потом три дня болел, людям в глаза смотреть стыдно было. Хорошо хоть предоплату в качестве неустойки оставили.

Я позвонил Насте на мобильный.

– Привет. Чем занимаешься?

– Выполняю ваши поручения, – бодро отрапортовала она. – Транспорт, питание…

– Бросай все и лети к нам.

– А что случилось?

– Хочу тебе по совместительству еще и в съемках поучаствовать предложить. Как ты на это смотришь?

– Положительно… Как одеться? Что с собой брать?

– Захвати обязательно несколько хороших фотографий. А насчет одеться… Не знаю, одень что-нибудь такое… Не слишком легкомысленное.

Через час Настя приехала на студию. Я взял видеокамеру и сделал несколько постановочных кадров. Результат меня удовлетворил – она выглядела намного убедительнее других претенденток. Фотографии, сделанные профессиональным фотохудожником, мне тоже понравились.

Вообще, надо сказать, Настя имела одну удивительную особенность. В жизни она могла выглядеть довольно буднично и просто. Но стоило ей попасть в кадр – она расцветала и могла затмить любую красавицу. Помниться, когда снимали ее впервые, я отнесся к ней с недоверием. Виду, конечно, не подал, но перед заказчиком, присутствующим на съемочной площадке, испытал некоторое неудобство. Нужна была королева, а тут… Однако вскоре от моих сомнений не осталось и следа. Она была так органична, так естественна в кадре, что заслужила всеобщее восхищение.

Итак, вопрос с «мамой» и «папой» был решен. По крайне мере было, что показать заказчику. Оставался ребенок…

«Ладно, поеду с тем, что есть. А там… Что-нибудь придумаем».

– Проходите, только недолго… – милостиво разрешила худенькая секретарша, поднимаясь из-за массивного темного стола. – Скоро у Станислава Сергеевича совещание, ему еще надо подготовиться.

– Мы очень быстро, – бросил я, входя в кабинет и пропуская вперед Ирину.

– Здравствуйте!

– Добрый день! – Станислав пожал мою руку, кивнул Ирине. – Присаживайтесь… Как успехи?

– Вот… Принес вам актеров на утверждение, – ответил я.

Достав из папки пухлый пакет с фотографиями, я разложил их перед ним на столе. Станислав внимательно изучал кандидатов. Я решил направить его усилия в нужное русло.

– Мужчины… На мой взгляд наиболее предпочтительны трое. Вот этот – с большим съемочным опытом, работает актером в театре. Этот – спортсмен, автогонщик, тоже не раз уже снимался. А этот – помимо всего прочего, в одном из ваших домов недавно квартиру купил.

– Да вы что? Правда? – Станислав и Ирина развеселились. – Прямо мистическое совпадение.

– Поэтому компания «Монолит», как порядочный человек… – я сделал многозначительную паузу.

– Обязана на нем жениться! – смеясь, закончила Ирина.

– Ладно, – Станислав отложил в сторону мужские фото. – А что там с женщинами?

– Пожалуйста, можете ознакомиться… Раз, два, три… Но… – я выхватил Настину фотографию, как козырного туза из карточной колоды. – Вот, это, на мой взгляд – самый лучший вариант. Смотрите, какое лицо, какая осанка, фигура… Волосы роскошные. У меня еще видео на диске есть, можете потом посмотреть.

Я очень хотел, чтобы они выбрали именно ее. Тем боле, что на фоне других Настя и в самом деле выглядела явно предпочтительнее.

– Хорошо, – кивнул Станислав. – Подумаем… А дети?

Я выложил на стол фотографии ребят. Мальчики, девочки…

– Если честно, с детьми сложнее. Какой-то определенной кандидатуры у меня пока нет. Может быть, еще один кастинг придется провести. Не знаю… У вас никого на примете нету?

– Станислав, – сказала Ирина. – А сына своего не хочешь попробовать?

Тот неопределенно пожал плечами. Я ухватился за это предложение.

– Сколько ему лет?

– Да столько же, сколько этим, примерно… Пять лет.

– А что, может, действительно, попробовать?

Станислав задумчиво потеребил подбородок, рассеянно улыбнулся.

– Вообще-то он у меня парнишка смышленый. Могу фото скинуть по почте… Если подойдет…

– Договорились, – поспешно согласился я, радуясь, что этот непростой вопрос мне удалось перебросить на плечи заказчика.

Той весной было много солнца и много тепла. Дни стояли погожие, тихие, с сиреневой призрачной дымкой по утрам, сквозь которую проступали городские пейзажи – величавые старинные дома; воды Невы, стремительно несущиеся к морю меж гранитных высоких берегов; разросшиеся кусты и деревья Летнего сада, покрытые молодой, резко пахнущей зеленью; позолоченные купола Исаакия и шпиль Петропавловки. В нагретом воздухе городских улиц смешиваясь с сотней других ароматов, витали запахи бензиновой гари и ванильных булочек, расплавленного битума и свежезаваренного кофе. Шум проносящихся мимо машин; обрывки фраз, долетающих из толпы; хлопки крыльев потревоженных голубей… Все это было лишь декорацией, фоном, на котором сама жизнь с удивительной легкостью чертила замысловатые линии моей судьбы.

– Знаешь, – тихо сказала Аня, задумчиво глядя куда-то вдаль, – у меня давно не было так хорошо на душе… Спокойно, легко…

– У меня тоже, – вздохнув, ответил я и покрепче прижал ее к себе, ощутив щекой гладкие льняные волосы.

– Этой зимой мне было так одиноко. Я даже плакала по ночам… Иногда просто хотелось кричать от тоски. Правда-правда…

– Зимой всегда бывает тоскливо. Мне это хорошо известно… Зато теперь уже весна, я с тобой, и обещаю – ты больше не будешь плакать.

Мы сидели на скамье, в сквере, среди деревьев. Прямо за нами возвышалась цветущая черемуха. Пышные белопенные кисти источали пьянящий аромат. Я вдыхал этот удивительный, ни с чем несравнимый весенний запах и чувствовал себя счастливым. А впереди было еще целое лето… Что будет дальше – я не загадывал. Пусть все идет, как идет, а там посмотрим.

Держась за руки, мы гуляли по Невскому. Возле Гостинки шумные зазывалы наперебой предлагали автобусные экскурсии. Мы замедлили шаг.

– Сколько интересно стоит экскурсия? – риторически поинтересовалась у меня Аня.

Я понятия не имел, но тут же, не раздумывая, направился к окошечку кассы. Денег у меня было немного. Хватит, или не хватит?..

– Два билета, пожалуйста.

Кассир назвала сумму. Я полез в кошелек, красивым жестом вытянул купюры. Никому и в голову прийти не могло, что это были последние деньги. И самое главное – когда получу следующую зарплату, я тоже не знал. Дело в том, что я был свободный журналист, газета мне жалование не платила. Я жил только на гонорары.

«Ладно, займу у кого-нибудь, потом отдам» – подумал я, стараясь сохранить на лице невозмутимость и беспечность.

Единый проездной на метро и прочий наземный транспорт у меня был, на кухне еще оставались кое-какие запасы…

«До следующей публикации как-нибудь дотяну».

В автобусе мы сели на свободные места и стали дожидаться отправления. Народу в салоне было немного, большинство, судя по всему, – гости города. Минут через двадцать девушка-гид объявила о начале экскурсии, мы поехали.

Аня сидела у окна, форточка была чуть приоткрыта и ее длинные светлые волосы трепал ветер. Я взял ее руку в свою, она улыбнулась и ответила легким пожатием. Нам было хорошо вместе. Прикрытые высокими спинками сидений мы украдкой целовались.

Под монотонный монолог гида, автобус петлял по извилистым улочкам, по набережным каналов; иногда ненадолго вылетал на широкий простор какого-нибудь шумного проспекта и снова нырял в тенистую сонную тишину узеньких улиц. Откинувшись на мягкую спинку сидения, держа ее руку в своей, я украдкой посматривал на Аню, на ее строгий одухотворенный профиль на фоне окна и чувство глубокой нежности переполняло меня. Хотелось ехать и ехать вот так, рядом, плечом к плечу и видеть ее, и чувствовать ее тепло, и ощущать, как зреет, крепнет и растет эта загадочная, необъяснимая и незримая связь, которая прочнее любого каната привязывает людей друг к другу.

– Мы находимся на Преображенской площади, – прервал мои мысли жизнерадостный голос девушки-гида. – Перед нами Спасо-Преображенский собор. Это памятник архитектуры классицизма в стиле ампир. Построен по проекту Василия Петровича Стасова в 1829 году на месте более раннего храма.

Двери автобуса распахнулись, засидевшийся народ потянулся на улицу поразмяться. Щурясь на солнце, люди тесно обступали экскурсовода.

– Первый Спасо-Преображенский собор сгорел, но удалось спасти все основные святыни – вдохновенно продолжала рассказывать девушка. – Восстановленный храм был освящён митрополитом Серафимом. Надо отметить, что этот собор никогда не закрывался для богослужения.

Аня взяла меня под руку и мы, отделившись от толпы, пошли потихоньку к храму, чтобы взглянуть на него поближе.

– Далеко не расходитесь, через десять минут уезжаем… – донеслось нам в след.

Разглядывая это старинное архитектурное сооружение, мы любовались безупречными фасадами, оформленными двенадцатиметровыми четырехколонными портиками; восхищались мощью светового барабана, увенчанного главным куполом, вокруг которого, по углам

возвышались четыре главки-колокольни; с интересом изучали каменные кружева капителей колонн, многочисленных барельефов и панно. Бело-желтая цветовая гамма подчеркивала строгость архитектурных форм.

– Смотри, какая необычная ограда, – сказала Аня. – Это что, пушки?

– Да, – ответил я. – Это стволы трофейных турецких пушек, взятых со стен крепостей Измаила, Варны и прочих. На стволах сохранились вычеканенные гербы Османской империи, а на некоторых, если присмотреться, можно даже прочесть данные им имена: «Гнев аллаха», «Священный полумесяц», «Дарю лишь смерть».

– Много их тут, смотри…

– Всего здесь, если не ошибаюсь, сто два бронзовых орудийных ствола. Они, как видишь, установлены по три на специальных гранитных постаментах. Дульным срезом вниз, в знак того, что уже никогда не будут участвовать в военных действиях.

– А причем здесь пушки? Ведь это церковь? – удивленно спросила Аня.

– Потому что собор изначально был возведен на месте штаба гренадерской роты лейб-гвардейского Преображенского полка, в память о восшествии императрицы Елизаветы Петровны на престол с помощью солдат и офицеров этого подразделения.

– Откуда ты все это знаешь?

– Книжки надо читать… – я шутливо подхватил ее за талию и привлек к себе. Чуть приподнявшись на носках, она подалась мне навстречу. Я вдруг заметил, какая тонкая и изящная у нее талия. Казалось, пальцы моих рук, сомкнувшись в замке, заденут друг друга.

Ее лицо оказалось рядом с моим, губы призывно распахнулись, и мы слились в долгом трепетном поцелуе. Сквозь тонкое летнее платье я ощущал ее гибкое молодое тело, манящую упругость форм, ласковое тепло и запах горячей кожи.

– Би-и-ип!… Би-и-би-и-и-и-и! – автомобильный гудок резанул по ушам, заставив нас оторваться друг от друга.

– Автобус… – растерянно произнесла Аня. – Они уезжают.

Взявшись за руки, мы быстрым шагом поспешили на площадь. Наш автобус медленно выруливал со стоянки. Мы бросились ему наперерез. Машина притормозила, дверь открылась, пропуская нас внутрь.

– Где вы ходите! – возмущенно воскликнул лысый дядька-шофер. – Все уже давно здесь. Только вас ждем! Целуются, понимаешь…

Мы пошли по узкому проходу, отыскивая свои места. Пожилой усатый мужчина в синем пиджаке, убирая сумку с прохода, снисходительно и по-доброму нам улыбнулся.

– Ничего, ничего, подумаешь… – кивнул он в сторону водителя. – Сам что ли молодым никогда не был?

Мы снова уселись на мягкие кресла, и автобус легко понес нас вдаль по шумным петербургским улицам, залитым веселым майским солнцем.

4

Я проснулся еще до будильника, посмотрел на часы: стрелки показывали половину пятого утра. Можно было еще полчаса поваляться, но я, пересилив себя, отбросил одеяло и отправился в ванную.

Перед съемкой меня всегда охватывает тревожное чувство. Кажется, что ты ничего не можешь, ничего не умеешь, и все твои попытки что-то создать – это лишь жалкие потуги обмануть самого себя и окружающих.

Подставив лицо горячим струям воды я лихорадочно прокручивал в голове план предстоящего съемочного дня. Все учесть, ничего не забыть… Любая мелочь может обернуться катастрофой. Ведь большая часть денег уже вложена в проект и если что-то пойдет не так, будет весьма и весьма неприятно. Лишний съемочный день я не смогу себе позволить – слишком накладно.

В прихожей у меня висел перекидной настенный календарь. Выходя из ванны, я машинально передвинул красную рамочку передвижного окошка, отметив сегодняшнее число – восьмое октября. Да, подготовительный период затянулся, не успели мы до бабьего лета. Сначала никак не могли выбрать нужный интерьер, потом долго ждали предоплату… В общем, все как обычно.

Я откинул задернутую штору, глянул в окно. В свете уличных фонарей мелким бисером сыпала изморось. Этот вид меня совсем не обрадовал.

«Где же обещанная малооблачная погода без осадков?»

Надо сказать, что мы с Настей две недели мониторили интернет-пространство на предмет подходящей погоды. Я даже платный краткосрочный прогноз по нашему региону в Гидрометцентре заказал. Нам нужен был один только безоблачный день, и он выпадал по расчетам на восьмое число. Другие погодные сайты тоже указывали на этот период. Неужели синоптики ошиблись?

С тяжелым сердцем я вышел во двор, поднял лицо к холодному моросящему небу. Нигде ни одного просвета. Что делать, отменять съемку? Но я решил не торопиться – до рассвета было еще далеко.

Усевшись за руль, я завел машину и поехал на студию. Сбор был назначен на восемь, но мне хотелось приехать первым, чтобы не нарушать давно заведенную традицию.

От «Ленфильма» автобус со съемочной группой отправился на Крестовский остров. Со мной была только небольшая часть – человек десять-двенадцать. Остальные должны были прибыть в условленное место своим ходом.

Всю дорогу я то и дело поглядывал на хмурое черное небо, ожидая увидеть там хотя бы одну звезду. Настя сидела рядом и, прикрыв глаза, слушала музыку через наушники. Она была в голубом спортивном костюме, который специально купила на съемки.

Из актеров только «мама» сейчас была нам нужна. «Папа» и «сын» понадобятся позднее, ближе к вечеру, когда мы начнем снимать сцену в доме. Кстати, на роль мальчика мы все-таки выбрали сына Станислава. Он как нельзя лучше вписался в «семью». При ближайшем рассмотрении у него даже обнаружилось некоторое сходство с «родителями». Да и сам паренек мне понравился – живой, обаятельный, веселый.

Пару дней назад мы вместе с Настей и Николаем, тем самым, который купил квартиру у компании «Моноплит», побывали у мальчика дома. Надо было, чтобы парень хоть немного познакомился с «родителями», нашел с ними общий язык. А то на съемочной площадке вре-

мени на притирку не будет. И Максим – так звали паренька, наши ожидания оправдал – достаточно быстро подружился с обоими.

Пока мы добирались до места, вокруг слегка посветлело. Серые предрассветные сумерки сменились густым белесым туманом.

«Только этого еще не хватало» – подумал я, выбираясь из автобуса на маленький асфальтовый пятачок посреди заросшего вековыми дубами парка.

– Пойду, осмотрюсь, – сказал я Насте, – пока остальные не подъехали.

Поеживаясь от утренней свежести и прохлады я, не спеша, брел по узкой аллее, усыпанной мокрой опавшей листвой. Вокруг в предрассветной туманной мгле дремали могучие деревья. Их высокие пышные кроны чуть слышно шелестели над головой. Где-то совсем рядом крякали дикие утки. Не верилось, что этот тихий укромный уголок в окружении рек и каналов находится в городской черте.

Дождь, вроде, перестал моросить, но все равно было неуютно – пасмурно, хмуро, мрачно. И туман, туман… Как тут снимать?

Фары машин тусклыми сполохами озарили туманные заросли, послышалось урчание моторов. Одна машина, вторая, третья… Приехали остальные члены нашей съемочной группы. Надо было идти их встречать и думать, как быть дальше.

Машин было много. Огромный серебристый трейлер, похожий на плацкартный вагон, грузовички поменьше, легковые автомобили – все они едва поместились на небольшом пятачке. Я подошел поближе, окинул взглядом это разномастное шумное хозяйство, и на душе у меня стало еще тоскливей. Куча техники, десятки людей… Все это войско только и ждет твоего сигнала, чтобы начать работу. А ты стоишь, как ежик в тумане и не знаешь, что делать. То ли дать команду выгружаться и приступать к съемке, то ли трубить отбой?

Подошел Аркадий со вторым оператором. Поздоровались.

– Как думаешь, разнесет?

– Надеюсь… – ответил я без особого оптимизма. – Но туман – полдела… Пасмурно, вот в чем беда.

– Да, погода… – вздохнул Аркадий. – Дождя бы сильного не было.

Тяжело топая, подбежал паренек из технической группы.

– Аркаша, подойди к машине, тебя Костя зовет. Там с объективом что-то непонятное.

Мы все вместе пошли к серебристому трейлеру. Возле распахнутых настежь дверей толпился народ. Второй оператор подсадил Аркадия, и он с ходу запрыгнул в освещенное нутро «вагона», под самую завязку набитого разной «киношной» техникой.

Я видел, как бригадир технической группы что-то показывал оператору, тот, молча, кивал, вертел в руках тяжелый объектив. Потом они оба подошли ко мне.

– Ну, что там? – нетерпеливо осведомился я, пребывая в недобром предчувствии.

– Трещина, – сказал Аркадий. – Вот, смотри… В креплении.

– И что теперь делать?

– Лучше заменить.

Константин спрыгнул из фургона на землю.

– Сейчас я быстро слетаю до конторы и обратно, заменю… Извините, что так вышло.

«Начинается, – раздраженно подумал я, – Вот тебе и техника в одних руках, вот тебе и опыт…»

Но делать нечего, без объектива снимать не будешь. Константин фыркнул мотором и умчался, а мы отправились готовить первый кадр.

Все места у нас были присмотрены заранее. Вместе с оператором и художником мы уже выезжали сюда, проводили рекогносцировку. Поэтому Аркадий со знанием дела указал дольщикам, куда укладывать рельсы. Потом техники собрали операторский кран, осветители заня-

лись прожекторами, подогнали генератор. Я только контролировал весь этот процесс, довольный слаженной работой моих подопечных.

Дело пошло, на душе немного полегчало… Тем более, что уже окончательно рассвело и туман начал понемногу рассеиваться. Видимость улучшалась буквально на глазах. Серые мрачные деревья окрасились в желто-красно-зеленые тона, заиграли веселыми красками. В хмуром небе наметились белесые просветы.

– Идем, – сказал я Насте. – Будем кадр выстраивать.

Мы вышли на асфальтовую дорожку. Аркадий со вторым оператором и художником стояли возле тележки с камерой. Рядом курили два дольщика.

– Пробегись, посмотрим… – крикнул Аркадий.

Настя легкой трусцой двинулась по мокрой дорожке.

– Стой! – взмахнул рукой оператор. – Вот здесь конец кадра. Давай на исходную.

Я уселся за раскладной режиссерский столик, передо мной зажегся экран компьютера. Это помощник подключил монитор, чтобы я мог видеть происходящее в кадре. Оставалось только дождаться Константина с объективом, и можно было начинать.

Наконец послышался долгожданный звук мотора. Заляпанный свежей грязью джип лихо влетел на заставленный машинами пятачок, резко развернулся и замер. Из машины выскочил Константин и быстрым шагом направился в нашу сторону. В руках у него был пакет с объективом.

Несколько минут ушло на то, чтобы приладить объектив, настроить камеру и вскоре Аркадий сообщил о готовности.

– Внимание! – сказал я через рупорный горомкоговоритель. – Камера…

– Есть камера! – ответили операторы.

– Работаем!

Настя бодро затрусила по усыпанной листьями дорожке, тележка с камерой и двумя операторами, подталкиваемая дольщиками, мягко поехала рядом.

– Стоп! На исходную… Еще дубль!

Мы отсняли один только общий план, когда к моему столику в сопровождении ассистентки по актерам Карины, подошел невзрачный человек в дорогом кожаном плаще.

– Вот, – сказала Карина, робко указывая на меня. – Вот наш главный.

– Прекрасно, – с какой-то многозначительной зловещей интонацией произнес незнакомец и представился. – Заместитель главы района Мартинсон. С кем имею честь?..

– Здравствуйте, – поднимаясь со стула и выходя ему навстречу, сказал я. – Роберт Стрельцов, режиссер.

Интонация, с которой чиновник начал разговор и его недобрый, колючий взгляд – все это не сулило ничего хорошего. Я внутренне напрягся…

– Что вы здесь делаете? – с ленивым любопытством произнес Мартинсон, в упор, разглядывая меня.

– Рекламный ролик снимаем.

– А разрешение на съемку у вас есть?

Этот простой вопрос вверг меня в ступор. Разрешение?.. Вроде бы что-то такое я Насте поручал, и она даже ездила в администрацию. Но где эта бумажка, и где сама Настя? Я беспомощно огляделся по сторонам.

– Понимаете… Мой администратор…

– Еще раз спрашиваю: есть разрешение здесь снимать?

Я стоял перед ним словно провинившийся школьник и не знал, что ответить.

– Где Настя? Позовите ее, кто-нибудь.

Мартинсон усмехнулся, снял с головы кожаную кепку, пригладил ладонью редкие непослушные волосы, затем снова водрузил головной убор на макушку.

– В общем, заканчивай эту богадельню, – сказал он устало, и как-то даже почти по-дружески. – Даю пятнадцать минут…

Земля зашаталась у меня под ногами. Я почувствовал, как тысячи острых игл впиваются в мое тело.

– Извините, но мы только начали.

– Давай-давай, быстро… Сворачивайтесь.

Это было немыслимо, невероятно… Мы столько дней затратили на подготовку, столько вложили средств, почти ничего еще не сняли – и уезжать? Что я клиенту скажу? Где возьму денег, чтобы оправдать все эти издержки? Катастрофа…

Мартинсон между тем решительно подошел к сидящим неподалеку полицейским, которые приехали вместе с нами.

– А вы что тут делаете?

– Не знаю, нас прислали, – ответил тот, что постарше.

– Помогаете этим самозванцам? Прекрасно! Я еще позвоню в отдел, разберусь, кто вас сюда послал…

Тем же решительным шагом Мартинсон направился к своему автомобилю. Я двинулся следом… Не смотря на то, что чиновник был ниже меня на голову, я едва поспевал за ним.

– Извините, можно вас…

Мартинсон замедлил шаги. Стремясь унять мелкую противную дрожь, я наклонился к его уху.

– А может… Ну, это… Мы как-то сможем это решить?

– Что?

– Я заплачу…

– Нет, и речи быть не может! – он окинул меня презрительным взглядом. – Через пятнадцать минут приедет наряд полиции, я уже дал указание. Так что – поторопитесь.

– Но…

Мартинсон сел в свой черный блестящий автомобиль, громко хлопнул дверцей и уехал. А я остался стоять – оглушенный, потерянный, совершенно разбитый. Холодная и враждебная реальность окружала меня. Я почувствовал себя ничтожным сухим листком, покорно летящим по воле осеннего ветра: неизвестно куда, неизвестно зачем.

Подошла Настя.

– Кто это был?

– Замглавы администрации района. Приказал, чтобы мы убирались.

– Почему?

– Потому… Я же говорил тебе – надо согласовать с администрацией разрешение на съемку.

– Так я согласовала вроде… Позвонила еще потом, уточнила – все сказали в порядке.

– Ну как в порядке? Ты же видишь…

Я не знал, как быть дальше. У кого просить помощи, где искать защиты? Подняв глаза к небу, я мысленно обратился к Богу. Не может быть, чтобы все так нелепо закончилось. Должно же быть у этой ситуации хоть какое-то решение.

– А может, позвонить кому-нибудь? – тихо спросила Настя.

«Кому? Кому позвонить?» – в отчаянии подумал я и тут неожиданно вспомнил: у меня же есть друг, Вадим, полковник ФСБ, между прочим. Когда-то мы служили с ним вместе и теперь поддерживаем отношения. Правда, видимся не так часто.

Я достал мобильный телефон, набрал номер.

– Привет! Говорить можешь?

– Могу, – донесся из телефонной трубки голос моего приятеля. – Как дела?

– Да так… В общем, выручай.

– Что случилось?

– Снимаю ролик на Крестовском. Приехал человек из местной администрации, говорит – уматывайте отсюда, если нет согласования.

– А оно у тебя есть?

– Мой администратор говорит, что есть… Но бумаг никаких в данный момент у меня с собой нету.

– Да-а… – Вадим задумался. – Как фамилия человека? Он представился?

– Мартинсон… Знаешь такого?

– Знаю.

– Можешь что-нибудь сделать?

– Понимаешь, Роберт, командовать здесь я не имею права. Единственное, что могу – отсрочить появление полиции. Два часа тебе хватит?

«Что такое два часа? – отрешенно подумал я. – Даже половину снять не успеем».

– Ладно, Вадим… По большому счету это меня, конечно, не спасет. Но если сможешь отсрочить – давай. А там видно будет.

Возле режиссерской палатки толпился народ. Здесь были оба оператора, художник, гример и еще человек пять из съемочной группы. В их глазах читался немой вопрос: удалось ли договориться? Я, молча сел на стул, устало откинулся на спинку и вытянул ноги. «Два часа… Два часа» – безостановочно крутилось у меня в голове. Я невольно позавидовал всем этим людям. Хорошо им… Скажут работать – будут работать; скажут собирайтесь – соберутся, поедут по домам. И ни о чем душа болеть не будет. Какая красота…

«Если что – машину можно будет продать, – мысленно успокаивал я себя. – Не хватит – возьму кредит в банке. Ничего, как-нибудь вывернемся».

Я провел ладонью по лицу, тяжело вздохнул.

– Ну, что делать будем? – нарушил, наконец, молчание оператор.

– Работать! – ответил я, поднялся и вышел из палатки. – Готовьте кран, свет, Настю подгримируйте. Все на съемочную площадку!

Народ засуетился, забегал; включились огромные мощные прожектора, имитирующие яркий солнечный свет; желтый операторский кран поднялся высоко над деревьями; стальные рельсы легли поперек узкой асфальтовой дорожки.

– Где наша героиня? На исходную!

Настя вышла на очерченный мелом рубеж. С этой точки по команде она должна была начать движение. Операторы, приникнув к камере, доложили о готовности. Я почувствовал прилив веселой злости. Пусть все летит в тартарары, а я все равно буду делать свое дело!

– Работаем!

Настя побежала, операторский кран медленно пополз вверх, увлекая к вершинам деревьев Аркадия со вторым оператором. Я уставился в монитор, наблюдая, как складывается картинка в кадре.

– Стоп! Еще дубль!

Пока Настя возвращалась на исходную, я отлепился от монитора и заметил вдруг странную перемену… Вокруг неожиданно посветлело, краски стали ярче, среди мутной небесной пелены проступили голубые веселые пятна и робкий солнечный луч столбом мерцающего света пробил серое тусклое пространство. Все засияло вокруг, преобразилось; и всем эти перемены пришлись по душе, кроме оператора. Кривясь, как от зубной боли, он принялся вместе с напарником перенастраивать аппаратуру.

Когда все было готово, Настя побежала еще раз. Потом еще… Потом еще и еще… Мы снимали дубль за дублем. Я все время поглядывал на часы, ожидая приезда незваных гостей, но никто пока не появлялся.

Прошел час, другой… Я боялся поверить в чудо.

Мы отработали с операторским краном, пересняли при новом освещении общий план; взяли с рельсами и тележкой все возможные ракурсы бегущей героини. Оставалось только отснять материал с площадки «камервагена» – это, такая, специальная операторская машина, своеобразная камера на колесах.

Сколько километров пробежала Настя за это время – никто не считал. Любой профессиональный бегун уже бы взмолился о пощаде. А Настя стойко терпела все наши притязания. И продолжала работать с улыбкой на лице.

– Как самочувствие? – поинтересовался я.

– Нормально, – ответила Настя, – только сустав что-то разболелся.

– Я понимаю, ты устала, но потерпи еще чуть-чуть. Осталось немного. С машины сейчас тебя снимем – и все… Перерыв не хочу объявлять, вдруг эти товарищи все же приедут.

Настя безропотно согласилась. Может быть потому, что чувствовала за собой какую-то часть вины. Я был ей безмерно благодарен. Так хотелось, побыстрее закончить эту бесконечную карусель.

– Машина готова, – доложил второй оператор.

Ребята подсадили, и я забрался на открытую площадку с установленной на ней камерой. Аркадий пододвинулся, пропуская меня на мое режиссерское место. Второй оператор подсел к нему. Тут же рядом расположились двое из технической группы.

Мы плавно тронулись, Настя побежала за нами следом.

– Ближе, ближе к машине держись! – крикнул Аркадий.

Один из парней-техников взял в руки отражатель, чтобы подсветить ей лицо. Мягкий свет от лайт-диска, придал коже ровный и теплый оттенок. Я невольно залюбовался ею, удовлетворенно отметив про себя, что не ошибся с выбором героини.

– Поработай лицом, Настя… Сейчас будем снимать крупный план.

Она понимающе кивнула. Ей не надо было долго объяснять – вот, что значит настоящий профессионал. В глазах ее появился загадочный блеск, щеки слегка порозовели, черты лица разгладились, стали тоньше и нежнее.

– Молодец, – сказал я, наблюдая за ней через экран монитора. – Пять баллов.

– Только смотри, не зазвезди… – снисходительно отозвался из-за камеры Аркадий.

Настя расплылась в довольной улыбке. Как будто и не было позади этой долгой изнуряющей беготни, усталости.

Я посмотрел на часы – без малого шесть часов прошло, как мы приехали сюда. Слава Богу, отснять все вроде бы успели. Осталось несколько дублей. Теперь если и приедут нас выгонять – уже не страшно.

Рядом с дорожкой я заметил парочку, с любопытством наблюдающую за процессом. На заднем плане они попали в кадр. Пришлось остановиться и попросить их отойти подальше.

Погода разгулялась как по заказу. Я не мог налюбоваться на эту удивительную красоту. Огромные дубы, клены, вязы, липы, ясени, какие-то разросшиеся кустарники, остатки декоративных цветов – все это горело, светилось, играло разноцветными огненными бликами, пламенело желто-оранжево-красными сполохами на фоне холодного синего неба. Давно уже я не видел такого буйства красок.

– Обеда-а-а-ть! – раздался издалека голос нашей буфетчицы. – Обе-е-ед привезли-и-и!

Мы собрались на пригорке, возле канала. На раскладных столах громоздились пластиковые тарелки с едой: салат, первое, второе – все как положено. Тут же неподалеку стояли упаковки с соком и водой.

Курьер подошел ко мне с листами накладных.

– Распишитесь в получении… Вот здесь, и здесь.

Я расписался, заплатил ему деньги и присоединился к пирующим. Аппетит на свежем воздухе у всех был отменный.

«Как хорошо, что никто не приехал, – радостно подумал я. – Какое счастье, что удалось все завершить».

После обеда мы отправились на следующий объект. Надо было снять, как героиня поднимается на крыльцо и входит в дверь.

Крыльцо это мы присмотрели заранее, поэтому особых сложностей здесь не возникло. Быстро кинули рельсы, расположили на них тележку с камерой, пустили Настю и сняли подряд несколько дублей.

Единственным неудобством было то, что улица оказалась достаточно многолюдной. Вокруг тут же собралась толпа прохожих. Осветители сгоняли их со шнуров кабелей, разбросанных по земле, но они далеко не уходили.

Потом мы поехали на Савушкина. Там, в просторной и хорошо оформленной квартире нас ждали «папа» и «сын». Квартира была трехуровневой: первый этаж, второй и мансарда. Хозяева сдавали ее специально для съемок, не смотря на то, что сами жили в ней постоянно. Было это, по всей видимости, не очень удобно, но приносило неплохой доход… Надо сказать, что выбрали мы этот объект из нескольких вариантов. Отдельный коттедж на два входа подкупил нас тем, что, здесь мы никому особо не мешали. Во дворе можно было разместить какую-то технику, поставить осветительные приборы, чтобы с улицы светить в окна; а на первом, не задействованном для съемок этаже – оставить часть вещей. Кроме того, квартира отличались изящным интерьером. Не зря же здесь жили художники. Поэтому, не смотря на довольно высокую цену аренды, я предпочел снимать именно тут.

Пока готовили аппаратуру, ко мне подошла Настя. Оказывается, она все же сумела выяснить, почему возникла эта неприятная ситуация с разрешением на съемку. Дело в том, что важный чиновник Мартинсон не имел к согласованиям никакого отношения. Этим в районной администрации занимались совсем другие люди, и вот с ними-то как раз все было в порядке. Все разрешения были подписаны вовремя. А Мартинсон – просто проезжал мимо… Но сколько же нервов я извел из-за этого человека.

Вначале мы решили отснять все сцены с мальчишкой, чтобы не держать его здесь допоздна. Я боялся, что ребенок может закапризничать и сорвать нам съемки – все-таки возраст был небольшой. Но в итоге все прошло удачно. Максимка вел себя как настоящий актер, терпеливо отрабатывая дубли, чем заслужил внимание и любовь всей съемочной группы.

Гораздо сложнее, оказалось, работать с «отцом». Почему-то у него никак не получалась улыбка. Вроде бы с опытом уже человек, а вот заклинило – и все.

– Николай, соберись, – умолял я, – Давай еще разок попробуем.

Время уже скоро час ночи, все устали… Он снова и снова пытается улыбнуться. Мы с оператором переглядываемся – нет, не то. Я уже вспотел от напряжения, вот-вот взорвусь как осколочная граната. Наконец что-то, где-то, как-то…

– Было? – с надеждой спрашиваю у оператора.

– Было, – подтверждает Аркадий.

– Десять минут перерыв…

Я спустился на первый этаж, буфетчица налила мне чашку свежезаваренного чаю. Надо немного прийти в себя, отдохнуть, успокоиться. Еще пару планов с главной героиней – и все… Настя садится рядом, разламывает пополам сочный персик, протягивает мне половину. Я благодарно киваю. От нее приятно пахнет дорогой парфюмерией, она совсем не производит впечатления, измотанного работой человека. Хотя на ногах уже восемнадцать часов.

– Еще немного, Настя, – подбадриваю я ее. – Скоро закончим.

Она понимающе улыбается мне в ответ.

Последние кадры мы делали практически на автопилоте. Когда прозвучала команда «Стоп, снято! Съемка окончена!» – раздались дружные аплодисменты.

– Самый приятный момент в съемочном процессе, – философски усмехнулся Аркадий, зачехляя свой аппарат. И с ним трудно было не согласиться.

Насте, нашей героине, вручили огромный букет красных роз. Она без сомнения это заслужила. Далеко не каждая модель смогла бы выдержать такую сумасшедшую нагрузку, оставаясь при этом образцом женственности.

– Собирайся, – сказал я ей. – Отвезу тебя домой.

Настя не возражала.

Мы вышли на улицу, на свежий воздух. В черном небе светила луна. Пока впотьмах искали припаркованную машину, нас догнала гримерша.

– А меня подбросите? Тут рядом…

– Подбросим.

Мы с Настей сели на заднее сидение, гримершу посадили вперед. Цветы, чтобы не измять убрали в багажник.

– Куда едем? – поинтересовался водитель.

– Сначала завезем домой нашу уважаемую коллегу; затем доставим Настю на Старо-Невский; ну, а потом меня – на Гагаринскую.

– На Ленфильм не поедете?

– Нет, машину завтра заберу Пусть ночь там постоит, никуда не денется.

Только сейчас я почувствовал, как устал. В голове одна мысль – поскорей бы добраться до дому.

Петляя по ночному городу, мы отыскали дом гримерши, высадили ее у подъезда и поехали дальше. На опустевших улицах почти не было машин. Возле перекрестков монотонно сигналили желтыми вспышками светофоры. Окна домов были темны. Город спал… И только редкие прохожие, да сияющий свет холодных рекламных огней говорили о том, что где-то еще продолжается разгульная ночная жизнь.

– Ну, как тебе съемка? – спросил я Настю, пытаясь рассмотреть в мерцающем полумраке ее лицо.

– Здорово! – восторженно отозвалась она. – До сих пор под впечатлением.

– А мы думаем, сейчас ругаться начнет. Загоняли, мол, девушку… – не отрываясь от руля, пошутил водитель, и потом уже серьезно добавил. – Нет, ты сегодня действительно, была звездой.

– Хочется поскорее посмотреть, что получилось.

– Это к Роберту… Когда он все смонтирует, озвучит…

– Погодите, еще пленки надо проявить, – суеверно остановил их я. – Рано загадывать.

Я действительно боялся сглазить, поскольку на памяти был случай, когда один мой коллега, сняв материалу на три ролика, при проявке в Москве полностью загубил все исходники. Как он вышел из этого положения – не знаю. Но еще перед съемкой оператор посоветовал проявлять пленку в Финляндии. Что мы и в ближайшее время и намеревались сделать.

– Все, приехали, – произнес водитель, въезжая под арку. – Может тебя до квартиры проводить?

– Нет, не надо, – ответила Настя. – Спокойной ночи.

Мы все же не уехали сразу. Постояли, подождали пока она дойдет до подъезда, поднимется на свой этаж. В слабо освещенных окнах угадывался ее размытый силуэт.

Потом водитель доставил к дому меня. Прежде чем выйти из машины, я посмотрел на часы – стрелки показывали почти три часа ночи. Следовательно, мой рабочий день длился сегодня двадцать два часа. Славно потрудился, однако…

Попрощавшись с водителем, я шагнул в темноту подворотни.

– Стойте! А цветы?

Я вернулся назад, достал из багажника забытый Настей букет.

– Умаялась бедная, не до цветов, – улыбнулся водитель.

– Ничего, завтра верну, – пообещал я. – За ночь не завянут.

– Вы только в воду не забудьте поставить. А то жалко, если пропадут: такие красивые.

Тяжелые бутоны на крепких стеблях и в самом деле были красивы. Только острые шипы неприятно кольнули ладонь. И эта боль, и легкий запах, идущий от нежных лепестков, внезапно напомнили мне о чем-то далеком, мимолетном, давно, казалось бы, уже забытом…

*** * ***

– Красивые цветы, – заметила женщина, стоявшая рядом в вагоне метро. – Сколько же они сейчас стоят?

– Целое состояние… – охотно ответил за меня подвыпивший мужичок, двумя руками держась за блестящий поручень.

Я промолчал, только улыбнулся им обоим.

С букетом красных роз, я ехал к Ане. Она пригласила меня к себе – вроде бы что-то там надо было починить. Я уже много раз бывал у нее в гостях, с цветами и без, но сегодня мне почему-то захотелось подарить ей эти красные розы.

На улице слегка подмораживало, кое-где по обочинам тротуара лежал свежевыпавший снег. И я изрядно продрог, пока, наконец, добрался до ее дома.

Аня встретила меня в коротком изящном платье на тоненьких бретельках. Увидев букет, восторженно изумилась: «Ух, ты!» Она удивительно искренне умела радоваться жизни. И эта ее открытость и непосредственность умиляла меня. Может быть потому, что сам я привык подавлять любые эмоции. Поскольку не хотел выглядеть слабым.

Я обнял ее и почувствовал, как соскучился. Хотя не виделись мы всего три дня… Знакомый аромат духов, нежное тепло ласковых губ закружили голову, и сердце мое затрепетало от счастья. Снова мы были рядом, снова вместе, чего же еще можно желать?

– Есть хочешь? – спросила Аня, подрезая ножницами стебли роз, прежде чем опустить их в большую вазу.

– Потом… Что у тебя тут поломалось?

– Кран на кухне. Смотри.

Она повернула вентиль, кран фыркнул, ударил в раковину прозрачной тугой струей и внизу, у самого основания забил маленький тонкий фонтан.

– Все ясно, – с видом знатока сказал я, – это прокладка. Есть у тебя какой-нибудь инструмент?

Мы достали с антресолей зеленый пластмассовый ящик, в котором хранилась всякая хозяйственная утварь. Порывшись, я обнаружил там разводной ключ и набор водостойких прокладок. Теперь можно было приступать к работе.

Я перекрыл воду, открутил смеситель, заменил старую затвердевшую прокладку на новую. Потом снова открыл кран и убедился, что утечки нет. Довольный собой, убрал инструмент обратно в ящик и отправился в ванную мыть руки. Хозяйка отблагодарила меня долгим горячим поцелуем.

Тут надо признать, что в итоге слесарем я оказался неважным. Через неделю кран этот снова потек и Ане все же пришлось вызывать настоящего сантехника. Но свою минуту славы я в тот день получил.

Покончив с работой, я переключил внимание на хозяйку. Она сегодня выглядела как-то по-особенному привлекательно. Короткое облегающее платье подчеркивало безупречность фигуры. Длинные распущенные волосы мягко струились по открытой спине. Я подошел ближе, взял за руку, убрал светлую прядь со щеки, прильнул губами к ее губам.

– Обними меня, – чуть слышно произнесла она.

Я сомкнул руки у нее за спиной, прижал к себе, ощутив нежное живое тепло и упругость гибкого молодого тела.

– Крепче, – снова прошептала Аня. – Еще крепче…

Стиснув в объятиях, я приподнял ее, оторвал от пола.

Она откинула голову назад и, встряхнув волосами, рассмеялась.

– Хоро-шо-о!

– Я мог бы еще сильнее… Но боюсь тебя раздавить.

– Не бойся.

Аня задернула шторы, в комнате воцарился легкий загадочный полумрак. Достав из шкафа белье, она принялась стелить постель. Короткое платье, прильнув к телу, сделалось еще меньше и стало понятно, что под ним ничего нет. Я наблюдал за ней, сидя в кресле. Она делала свою работу медленно, не спеша, словно давала мне время насладиться этим искушающим соблазном.

Потом ураган страсти стремительно подхватил нас, соединил воедино, закружил и унес далеко-далеко: туда, куда проникнуть можно только вдвоем; туда, где счастье безмерно и безгранично; туда, куда каждый снова и снова стремится вернуться, но, многим, увы, это уже не суждено.

…Мы лежали на смятой постели и медленно приходили в себя. Постепенно дыхание стало ровным, разгоряченные тела остыли, сонная нега смежила наши веки. Не знаю, сколько длилось это блаженное состояние абсолютного покоя, но первое, что почувствовал я, когда открыл глаза – это голод. Жутко захотелось есть.

Набросив одежду, мы отправились на кухню. Аня достала из холодильника мой пакет, в котором я принес вино и кое-какие продукты. Мы разложились на столе, нарезали сыру, колбасы, сделали бутерброды. Вооружившись штопором, я открыл бутылку.

Аня хозяйничала на кухне в простом домашнем халате и шлепанцах. Волосы она собрала на затылке и закрепила заколкой. Этот ее простецкий вид вызвал у меня прилив нежности. Я вдруг почувствовал, что мы стали по-настоящему близки.

– Смотри, что на улице делается, – сказала Аня.

Я повернулся к окну и увидел белую снежную круговерть. Множество легких снежинок падало с неба на землю, устилая белым пушистым ковром все вокруг. Ветер то лихо закручивал снежные вихри, то внезапно стихал; и было так уютно смотреть из окна на эту первую метель, ощущать через двойное стекло холодное дыхание наступающей зимы; и знать, что ты не один, что рядом с тобой есть дорогой и близкий человек, который бесконечно предан тебе.

– Давай организуем ужин в постели? – предложил я.

– Для ужина еще рановато… Может обед?

– Обед в постели – это не звучит. Это как-то слишком приземлено.

– Хорошо, – согласилась Аня. – Пусть будет ужин.

Мы устроились на разобранном диване, взяв с собой по бокалу вина. Поднос с закуской пристроили на вытянутых ногах, прямо поверх одеяла.

– За что пьем? – спросила она.

– Не знаю… За все хорошее.

– Давай выпьем за мечту.

– Давай.

Мы чокнулись и пригубили терпкое темно-красное вино. Аня была уже без халата. Я залюбовался ее идеальной фигурой. Она походила на ожившую мраморную статуэтку. Лунная гладкая кожа, высокая грудь, водопад светлых волос, льющихся по спине… Вино закружило голову, душа наполнилась радостью и живым теплом.

– Хочу спросить… – Аня смутилась. – Откуда у тебя этот шрам на ноге? И вот здесь, на предплечье…

– Шрам? Ах, это! Да так…

Я почему-то растерялся. Слишком уж не вовремя прозвучал этот вопрос.

– Не хочешь отвечать? – в голосе Ани послышалась обида.

Я обнял ее, прижал к себе и поцеловал.

– Не хочу… Не могу сейчас об этом. Потом как-нибудь, ладно?

Мне действительно не хотелось начинать этот разговор. Не ко времени он и не в тему. Это так глубоко сидело во мне, что не стоило без нужды ворошить. Нет, потом, потом…

Нагнувшись, я взял с пола бутылку вина, налил в опустевшие бокалы.

– Хорошо, – отпив глоток, сказала Аня, – тогда я задам тебе другой вопрос. Но имей в виду, если ты и на него не ответишь, я точно обижусь.

– Задавай, я готов, – шутливо отрапортовал я, обнимая ее за плечи.

– Как ты ко мне относишься?

Признаться, я не ожидал такого серьезного вопроса. Она смотрела на меня выжидающе, с легким прищуром и в ее глазах таилось любопытство. Мы еще никогда, со дня нашего знакомства не говорили так откровенно.

– Я тебя обожаю, Анечка… Ты самая лучшая девушка во вселенной. Надеюсь, такой ответ тебя удовлетворит?

– Ну, как тебе сказать…

– Ладно, – я отставил в сторону шутливый тон. – Я люблю тебя… Это правда.

– Правда-правда? – в глазах ее вспыхнул лукавый огонек.

– Да.

Она прильнула ко мне, поцеловала и произнесла чуть слышно:

– И я тебя тоже.

Мы снова забылись в горячечном сладостном бреду, и опять пред нами распахнулась бездна. Обнявшись, мы полетели в нее, шепча и выкрикивая какие-то непонятные слова; исступленно даря и принимая любовные ласки; все крепче и крепче сжимая, друг друга в объятьях, словно боясь навек потерять. Наши души рвались из разгоряченных тел на волю, пытаясь воспарить, соединиться и навсегда улететь в мир вечной любви. Но земные законы не давали нам этого сделать, и мы, в конце концов, обессилев, оставили эти попытки…

За окнами незаметно стемнело, в доме напротив, зажглись огни. Мы тоже включили ночник. Лежали, болтали о чем-то беспечно. Потом умолкли… Я взглянул на Аню и заметил, что она загрустила.

– Ты чего?

– Надо уезжать, – вздохнула она.

Я почувствовал смутное беспокойство. Как-то так вышло, что мы старались избегать этой темы. Хотя еще в день нашего знакомства, она сообщила мне, что собирается уехать за рубеж. Навсегда… Поначалу это не сильно меня огорчило. Потом я к этому привык – как привыкает человек к мысли, что когда-нибудь обязательно умрет. А поскольку не было обозначено какого-то конкретного срока, то все это казалось таким далеким, нереальным. Мало ли что еще может произойти? Может все само собой рассосется.

– Это для тебя так важно? – избегая смотреть ей в глаза, произнес я.

– Да… – ответила Аня. – Важно.

Мы опять замолчали. Я не знал о чем говорить. Я вообще боялся даже прикасаться к этой теме. Ведь она означала одно – неминуемую разлуку.

– Мне уже двадцать лет, – тихо произнесла Аня. – Мое время уходит. Еще два-три года – и все… Можно будет забыть о карьере.

– А здесь? Ты же танцуешь в известном на весь мир театре… Неужели здесь нельзя заявить о себе? Попытаться пробиться…

– Здесь? – она усмехнулась. – Нечего и думать… Быть все время на вторых ролях, до пенсии прозябать в кордебалете? Нет, не хочу… «New York City Ballet» – вот моя мечта.

– Что это?

– «Нью-Йоркский городской балет». Одна из самых известных балетных трупп мира. Была создана, кстати, нашим соотечественником, основателем американского балета Джорджем Баланчиным.

– Туда ведь так просто не попадешь? На что ты рассчитываешь?

– Да, туда очень сложно попасть, не имея так называемой школы Баланчина, которая сильно отличается от русской. Но, во-первых, у меня есть знакомый преподаватель американец, а во-вторых, родственные связи в руководстве театра… Так что это не просто мечты, а вполне реальные планы. К тому же, у меня уже есть приглашение, и не воспользоваться таким шансом – просто глупо.

Она говорила, и эти слова каплями раскаленного воска обжигали мою душу. Простая истина вдруг открылась мне: чтобы остаться с ней – я должен уехать!.. Так и только так. Иного не дано… Но куда я поеду? В страну, где всё мне чужое: люди, природа, жизненный уклад… И языка толком не знаю. Что я в этой Америке делать буду?

Я ощутил себя витязем на распутье: куда ни пойди – всюду погибель…

5

В монтажной царил полумрак, за окнами хмурилось осеннее низкое небо. Ветви клена, качаясь под ветром, густо роняли нарядные оранжево-красные листья, один из которых, перевернувшись в воздухе, прилип к мокрому оконному стеклу и затрепетал, как бабочка.

Я оторвался от монитора и, зажмурив глаза, устало потер пальцами веки. Который час уже мы вместе с Юлей сидели за монтажным столом, пытаясь из огромного количества разнообразных кадров, собрать единый сюжет. Юля – опытный монтажер, мне нравится с ней работать. Ее тонкие пальцы легко порхают над клавиатурой. Она напоминает мне пианистку за фортепиано. К тому же Юля недурна собой: голубоглазая, стройная, светловолосая… Я смотрю на нее, на экран с крупными планами Насти и невольно ловлю себя на мысли, что, в общем-то, неплохо устроился. Столько вокруг красоты, с которой ты вольно или невольно соприкасаешься, а тебе еще и деньги за это платят…

Ролик уже почти полностью собран. Осталось только почистить его, подогнать кадры под голос и музыку, добавить немного графики – и можно сдавать заказчику. Сегодня генеральный директор компании «Монолит» хотел лично приехать, чтобы посмотреть то, что у нас получилось.

Собрали и озвучили ролик мы достаточно быстро. Дольше ждали оператора из Финляндии, пока он там проявлял исходники. Я очень сильно переживал, по этому поводу – как бы чего не вышло. Ведь всякое бывало… Случись что, как потом с заказчиком рассчитаться? Но, слава богу, все прошло удачно, без брака. И кадры хорошие, и качество на уровне. Теперь дело было за малым – смонтировать и сдать.

В отличие от съемочного периода – очень нервного, суматошного – монтажный период, одна сплошная благодать. Работай себе тихо, спокойно, получай эстетическое наслаждение. Особенно если материал подходящий и монтажер проверенный, опытный, понимающий тебя с полуслова.

– Юль, давай все-таки этот кадр переставим… Поменяем местами: пусть вначале она бежит в профиль, а потом в три четверти… Потому что дальше у нас крупным планом лицо ее идет… Так мне кажется лучше будет, как ты считаешь?

Юля, кивнув головой, меняет кадры.

– И вот здесь, немного почище давай сделаем переход с общего плана на средний. Видишь, где она рукой движение делает… Надо поймать его и совместить по фазе…

Мне комфортно работать с Юлей, у нас с ней полное взаимопонимание. Не надо тратить время и нервы на то, чтобы объяснить очевидное… А ведь встречаются среди ее коллег и такие, кто считает себя умнее режиссера. С такими монтировать – одно мучение.

Заказчик приехал вовремя. Мы как раз заканчивали собирать ролик. Скинув пальто, Станислав уселся вместе с нами перед монитором.

– Сколько секунд? – спросил он.

– Тридцать, как договаривались.

– Надо будет еще пятнадцатисекундный сделать… Укороченный вариант.

– Хорошо, сделаем, – пообещал я.

Юля запустила просмотр, Станислав напряженно приник к экрану. Я тоже ощутил некоторое беспокойство. Понравится, не понравится?.. Кто его знает, вдруг заставит все переделывать?

Несколько раз, подряд, просмотрев ролик, Станислав остался доволен. Я облегченно вздохнул.

– Только вот надпись в заставке…

– Что?

– Неровная.

– В каком смысле? – удивленно осведомился я.

– Ну, с одного краю расстояние больше, чем с другого…

– Надпись стоит строго по центру.

– Да?.. А мне кажется, что к левому краю ближе. У вас есть линейка?

Мы с Юлей озадаченно переглянулись.

– Зачем?

– Померить расстояние.

Юля отыскала где-то линейку.

– Только экран руками не трогайте, – едва сдерживая смех, попросил я.

Станислав старательно измерил расстояние от краев надписи на экране до краев монитора. С одной и с другой стороны… Оказалось – все ровно.

– Странно, – сказал он. – А кажется, что с одной стороны больше.

– Ну, бывает… – дипломатично произнес я.

Меня порадовало, что Станислав не стал ничего перекраивать в собранном ролике. А то ведь бывают такие заказчики – не приведи господь. Без конца готовы вносить поправки. И то им не так, и это… Всю душу вымотают.

Когда Станислав уехал, в «монтажку» заглянул Михаил – генеральный директор телекомпании.

– Как дела?

– Работаем… Сейчас пересчитаем, выложим на файлообменник – и все.

– Закончишь, зайди ко мне.

– Хорошо.

Надо сказать, что с Михаилом мы не только давно работаем вместе. Мы еще и старые друзья… Когда-то учились вместе в университете, сидели за одним столом. С тех пор наши жизненные пути не расходятся далеко друг от друга.

– Все, – сказал я, входя к нему в кабинет, – ролик мы сдали, заказчик доволен.

– Молодцы, – улыбнулся Михаил. – А я хотел сообщить тебе, что деньги за предыдущий проект пришли.

– Здорово!.. Можно получить?

– На вот, пересчитай.

Михаил подал мне увесистую пачку купюр, стянутую поперек тонкой резинкой.

– Да ладно, – беспечно отмахнулся я, – все верно, надеюсь.

– Пересчитай, пересчитай… – настоял он и поучительно добавил: – Деньги счет любят.

Я послушно пересчитал новенькие, не измятые еще купюры, с острыми жесткими краями. Они приятно шелестели в руках… Убрав толстую пачку купюр во внутренний карман, я попрощался с Михаилом, оделся и вышел во двор. Там, на асфальтовом пятачке автомобильной стоянки была моя машина. Пикнув сигнализацией, я открыл дверь и опустился на сидение. Только сейчас я почувствовал, как устал. Но впереди меня ждали выходные, и это обстоятельство не могло не радовать.

Выехав на Каменноостровский проспект, я направился в сторону Невы, переехал через Троицкий мост и покатил к Невскому проспекту. Хотелось просто немного поколесить по городу, развеяться.

В холодном сыром воздухе быстро сгущались осенние сумерки, на улицах зажигались фонари. Мокрый асфальт блестел под светом автомобильных фар. Яркими неоновыми огнями призывно сияла реклама. Я включил громче звук автомобильной магнитолы, и приятная музыка заполнила салон. Мне было все равно куда ехать, лишь бы двигаться и двигаться вперед.

Глядя из окна машины на пробегающие мимо дома, на серую безликую толпу неспешно текущую по тротуарам, я вдруг почувствовал, как быстро летит время. Когда-то этот город казался мне слишком вычурным и надменным, подавлял своим величием и царственной красотой; а потом, совсем незаметно, стал близким, понятным и родным. Я пророс в нем душой, укоренился, и теперь уже не мыслю себя без него.

Свернув на тихую улицу, я припарковал машину к обочине. Здесь рядом было недорогое кафе. На той стороне улицы призывно светилась знакомая вывеска. Оглянувшись по стонам, я быстро пересек проезжую часть и оказался у входа.

Навстречу мне из дверей на улицу выплеснулась шумная ватага. Парни, девчонки – по виду студенты – оживленно болтали между собой. Я невольно заразился их безудержным весельем. Они расступились, уступая мне дорогу.

– Аня-я-я!.. Подожди, мы с тобо-о-ой! – раздался у меня за спиной чей-то звонкий крик. – Анечка-а-а!

Я машинально оглянулся, с запоздалой усмешкой отметив про себя, что до сих пор все еще продолжаю реагировать на это имя. Странно и удивительно… Ведь столько лет прошло.

*** * ***

Мы расстались легко, без взаимных претензий и объяснений. Может быть, поэтому между нами осталась какая-то недосказанность, незавершенность… Аня не валялась у меня в ногах, не плакала, не умоляла бросить все и уехать вместе; я тоже в свою очередь не требовал от нее остаться. Просто мы оба хорошо понимали, что ни то, ни другое невозможно.

Первое время я старался не думать о ней. Мне казалось, если не ворошить прошлое, все забудется, сгинет, исчезнет без следа. Я успокаивал себя тем, что вокруг полно молодых, красивых девушек и любая из них легко может стать моей. Я ловил эти игривые, призывно манящие взгляды красавиц и они словно волшебный бальзам врачевали мою душу. «Все пройдет, – думал я. – Все пройдет… Надо только не быть сентиментальным» В круговороте дел и событий мне удалось подавить свои чувства, спрятать их в самые дальние закоулки души, снова почувствовать себя независимым и сильным. Я погрузился в работу, дни стремительно полетели, один за другим, складываясь в месяцы, потом в годы. Я все реже вспоминал об Ане. Ее образ тускнел, расплывался и, в конце концов, стал просто тенью. В моей жизни начали появляться другие женщины. Они были разные и по-разному складывались наши отношения, но ни с одной из них я не мог чувствовать себя так же легко и свободно, как с Аней. Ни с кем из них не возникало той душевной близости, которая была у нас. Иногда мне в голову приходили странные мысли, что может быть там, за океаном, ей так же одиноко, и она так же тоскует и думает обо мне. От этих мыслей меня охватывало беспокойство, я не раз ловил себя на том, что шагая по улице, невольно ищу глазами знакомый силуэт. Однажды в метро мне показалось, будто бы я увидел ее. Затаив дыхание, я приблизился… Но это, конечно же, была другая, хотя и поразительно похожая на нее девушка.

Я не раз зарекался забыть ее, вычеркнуть из своей жизни, однако мне это не удавалось. Позже я понял почему. Ведь в нашей истории не хватало финальной точки. Эта недосказанность и позволяла сохранять чувства в первозданном виде. Как будто мы расстались только вчера. Точно один из нас вышел ненадолго и пропал. Нет, и нет человека… А ты все ждешь, словно он должен сейчас вернуться.

В последнее время она стала сниться мне по ночам. Молодая, красивая, стройная… Так явственно, словно я видел ее вживую. Мы целовались и разговаривали во сне, строили какие-то планы, бродили по диковинным мирам. Я просыпался с улыбкой на губах и сладким чувством душевного покоя, которого давно уже не знал. Так хотелось продлить эти сказочные мгновения. Но жизнь безжалостно возвращала в реальность.

И тут вдруг эта случайная встреча с приятелем, его рассказ, неожиданные фото. Все это всколыхнуло воспоминания, растревожило душу. Я долго боролся с собой, понимая всю нелепость и бесполезность затеи, но все же не смог устоять. Я попросил у него номер ее телефона.

6

В выходные сосед Сан Саныч пригласил меня с собой за грибами. Я согласился не раздумывая. Во-первых, уже давно не был на природе, а во-вторых, просто хотелось развеяться.

Рано утром мы выехали из дома и вскоре уже мчались по загородному шоссе. Сан Саныч сидел за рулем, я был в качестве пассажира. С погодой нам повезло… Ослепительно сияло солнце, на фоне чистого голубого неба ярко полыхали осенними красками придорожные кусты и деревья. Хотя была уже середина октября, пора затяжных дождей и унылого листопада, но в этом году осень неожиданно решила сделать нам такой вот щедрый подарок.

Доехали незаметно… Дом Петровича – местного жителя, у которого мы решили остановиться – располагался на самом краю деревни, возле заросшей камышом и осокой небольшой тиховодной речушки. Спуск к воде начинался прямо с огорода. Внизу, на мелководье, уткнувшись носами в берег, стояли деревянные лодки. До озера было рукой подать – оно маняще блестело в прогалах деревьев.

Петрович встретил нас радушно, угостил чаем с вареньем… Его супруга предложила отдохнуть с дороги, но мы отказались.

– Давай, Петрович, поехали. Бока отлежать мы и дома успеем. Надо вот соседу, – Сан Саныч кивнул на меня, – все ваши красоты показать. А то он в городе кроме асфальта ничего не видит.

Я промолчал, натягивая на ноги резиновые сапоги.

Петрович внимательно изучал меня сквозь прищур серых глаз. Ему было за семьдесят, но выглядел он достаточно бодро. Жилистый, крепкий, с благородной сединой в коротко стриженных непослушных волосах. Обликом своим и манерой держаться он совсем не походил на типичного сельского жителя. Да, по сути, никогда им и не был… Ведь осел он в деревне только когда вышел на пенсию. А до этого всю жизнь прожил в городе и работал в основном, на руководящих должностях. Так мне о нем рассказывал Сан Саныч…

Мы спустились к воде, сели в лодку – просторный деревянный баркас. На дне лежали два спиннинга и подсачек для рыбы. Я с интересом принялся разглядывать самодельные латунные блесны. Они казались довольно грубыми и вызывали большие сомнения в том, что на них может позариться хоть какой-нибудь совсем уж неосторожный хищник.

– Видал, на какие здесь ловят? – спросил Сан Саныч. – Это тебе не магазинные игрушки… Тут все по-серьезному.

Я восхищенно покачал головой и улыбнулся. Веселые солнечные блики в воде, запах водорослей, свежий ветер с озера – все это пробудило во мне рыбацкий азарт. Манящее приключение ждало нас впереди: дикие, необжитые острова, грибы, рыбалка… Когда еще доведется снова пережить такое?

Взревел мотор, и лодка, разрезая носом бурлящую воду, резво полетела по узкой реке. Нависшие по берегам кусты роняли с ветвей желто-красные листья. Они послушно падали вниз, устилая собой речную поверхность. От скорости и встречного ветра стало зябко. Я запахнул поплотнее ворот, стараясь увернуться от брызг, летящих в лицо.

С громким хлопаньем поднялась стая уток. Петрович, указывая на них рукой, что-то азартно прокричал с кормы. Но ветер и шум мотора заглушили его слова. Сан Саныч поднял воображаемое ружье и пару раз дернул руками, изображая выстрел.

Вот и Ладога… Огромное, бесконечное царство воды – настоящее море. Дальняя кромка озера сливается с линией горизонта. Несколько лодок и катеров маячат вдали. Темный силуэт корабля возвышается над ними.

До островов плыть еще далеко, и я невольно поглядываю на свой оранжевый спасательный жилет. Он тесно опоясывает грудь, внушая спокойствие и уверенность. Хотя, любому понятно – если что, в такой холодной воде ни один жилет не поможет.

– В прошлый раз, – произнес Сан Саныч сквозь рев мотора, склоняясь к моему лицу, – нам с Петровичем повезло. Столько грибов набрали… Белые, подосиновики, грузди… Сейчас, правда, поздновато мы собрались, может ничего и не будет. А, Петрович, что скажешь?

– Будет, будет… Теплая осень в этом году, без заморозков.

Покачиваясь на волнах, мы уходили все дальше и дальше от берега. Вспышки солнечных бликов слепили глаза. Бездонное синее небо простиралось над нами. А вокруг, куда ни глянь – вода, вода, вода…

К островам подошли с заветренной стороны. В тихой бухте волн почти не было. Петрович с хитрым прищуром взглянул на нас:

– Ну, что, порыбачим?

Мы с Сан Санычем возражать не стали.

Поскольку у меня были резиновые сапоги-бродни с высокими голяшками, я решил побросать спиннинг с берега. Какой-никакой рыбацкий опыт у меня был. Правда, практиковаться в последнее время удавалось не часто.

Берег возле острова был большей частью каменистый, но попадались места и поровнее – с песочком и зарослями прибрежной тресты. Один из таких участков мне приглянулся. Я зашел в воду, насколько мне позволили сапоги и начал бросать блесну. Катушка на спиннинге стояла новая, безинерционная, поэтому удавалось обходиться без «бород». Хорошо было и то, что глубина начиналась почти сразу от берега. Иначе с тяжелой самодельной блесной мне было бы не половить.

Я отыскивал прогалы в зарослях тресты и методично, раз за разом обрабатывал их бросками… Сквозь толщу воды пробивались лучи солнца и мне хорошо были видны стайки рыбьей мелочи. Иногда, на фоне песчаного дна, проскакивали тени и покрупнее. Все это внушало надежду.

«Бульк!» – ложится в воду блесна. «Шух-шух-шух» – чуть слышно шелестит катушка.

«Бульк!» – и снова «шух-шух-шух!»

Я сделал, наверное, не один десяток безуспешных забросов и готов был уже признать, что рыба здесь не ловится, как неожиданно ощутил знакомый каждому спиннингисту толчок, вслед за которым последовала мощная потяжка. «Есть!» – радостно откликнулось на нее все мое существо. Без сомнения, это была крупная рыба.

Я вываживал щуку осторожно, не торопясь, но в то же время, старался не давать ей слабины. Толчки и сильные потяжки добавляли азарта. Ближе, ближе… Наконец в воде тускло блеснул рыбий бок.

«Ого! – восхитился я. – Хорошая!»

Щука упорно сопротивлялась, но я, ухватив покрепче согнутое в дугу удилище, подтащил рыбину к берегу. Рывок!.. И светло-коричневая, в золотистых звездочках озерная хищница забилась на песке. Схватив ее за жабры, я победно вскинул вверх руку – «Есть!»

– Э-э-э-эй! – закричали мне с лодки. – Ты кого там изловил?

– Щуку поймал! Килограмма на три потянет!

– Здорово! Новичкам везет…

– А что у вас?

– Сан Саныч тоже пару «травянок» заморил. Небольших, грамм по семьсот… – ответил Петрович и добавил. – Ладно, потешились и хватит… Сматывайте удочки, надо еще грибов успеть пособирать.

В лесу было сумрачно и тихо. Ветер шумел вверху раскидистыми кронами деревьев, под ногами шуршала сухая трава. Мы шли, зорко поглядывая по сторонам и время от времени, кто-нибудь из нас радостно замирал над долгожданной находкой.

Грибов было много, все как один – крепкие, ядреные, без малейшей червоточины. В основном – белые и подосиновики.

Вот идешь, раздвигая ветви, смотришь, ищешь и вдруг… Чудо! Темно-коричневая влажная шляпка с прилипшими хвоинками, толстая белесая ножка – настоящий крепыш, как с картинки. А рядом – еще один. И еще… Осторожно ножом срезаешь одного за другим, бережно укладываешь в корзинку. Красота…

Пьянящий лесной воздух и эти заросли, без видимых следов пребывания человека, напомнили мне далекие славные времена. Когда я был молод и счастлив. Жил тогда далеко, на севере, среди бескрайней глухой тайги и непроходимых лесных болот. С ружьем и рюкзаком за плечами исходил вдоль и поперек все окрестные леса, научился подманивать птиц и распутывать следы зверей; ловить рыбу и ночевать там, где застали вечерние сумерки. Я был частью природы, и она не отторгала меня, принимала за своего… Так бы и жить да жить дальше, рядом с родными и близкими людьми, не зная печали и горести, в гармонии с собой и всем миром. День за днем, год за годом, до самой старости… Но странная штука, жизнь. Сорвала меня, словно ветхий лист с дерева, закружила, понесла… И где теперь тот солнечный светлый мир? В каком краю, на какой планете его искать?

Перед отъездом мы решили немного передохнуть. Разложили костер, сварили уху. Сан Саныч достал из рюкзака предусмотрительно захваченную бутылку водки.

Вечерело… Небо стало тусклым, поблекло, от воды потянуло сыростью, легкий туман заструился вдоль прибрежной тресты. Я подбросил в костер дров, и он запотрескивал, загудел благодарно, согревая нас своим живым теплом.

Со свистом пронеслись мимо дикие утки и, сделав круг, приводнились в ближайшей заводи. Петрович азартно вытянул шею, привстал у костра. Я улыбнулся… Он был похож на легавую, замершую в стойке.

– Надо было ружье захватить, – назидательно произнес Сан Саныч.

Петрович согласно кивнул и развел руками.

– А вы охотник? – спросил я.

– Конечно… На природе жить, да не охотиться…

– Мы с ним старой закалки, – сказал Сан Саныч. – Это теперь к охоте стали как-то не так относиться. А раньше…

– Да кто? – горячо перебил его Петрович. – Офисные мальчики и девочки? Хомячки эти?.. Что они видели, кроме компьютера… Ты возьми провинцию, где живет основная масса народу. Там нет такого – охоту нормально воспринимают.

– Мне один тут как-то выдал… – усмехнулся Сан Саныч. – Вы, охотники, говорит, природу уничтожаете! Вы убийцы!.. Аморально, говорит, трупами животных питаться.

– Во даёт! – Петровича аж передернуло. – Это надо же так высказаться. А сам он, что в мясном отделе ничего не покупает? Там ведь поди совсем уж расчлененка – ребра, печень, почки, ноги на холодец… Если следовать его логике: птицефабрика – это вообще концлагерь. А икру и яйца только пожиратели не родившихся детей едят… Тьфу! Извращенец какой-то…

– Это вообще с Запада все идет. Там у них давно мозги набекрень – то однополые браки узаконить хотят, то права животных защищают… В русской традиции охотник – всегда человек уважаемый. Это добытчик, кормилец, воин, защитник Отечества. И самое главное – истинный ценитель природы. Потому как никто лучше охотника не понимает важности сохранения окружающей среды, всего живого и растительного мира. Недавно, кстати, услышал по телеви-

зору слова одного сибирского мужика: «Нигде человек не бывает ближе с природой, чем на охоте». Очень точно сказано.

– А сколько выдающихся людей были охотниками! Писатели, художники, поэты, военачальники, политики, ученые… И все они могли бы дать отпор этим воинствующим невежам. Ведь по логике сотворения мира и всей сущей живности следует – не мы для них были созданы, а они для нас.

Я слушал этот разговор двух умудренных жизнью людей и не пытался вмешаться. Просто смотрел на угасающий день и молчал, а беседа между тем перешла в другое русло.

– Я бы, конечно, мог бы еще поработать, – вздохнул Петрович. – И силы вроде были, и опыт… Но когда тебе в лицо все время тычут – ты совок, ничего не понимаешь – что тут сказать? Ушел…

– Совок… – покачал головой Сан Саныч. – Паршивое слово. Когда его слышу, меня прямо колотить начинает.

– Да ладно… Мало ли дураков на свете. Каждому не объяснишь. Вон, китайцы… Правильно сделали. Если бы мы в свое время по китайскому пути пошли – где бы уже были… И страну не разрушили, и экономику бы не уронили.

– А я еще на заре перестройки говорил, – рубанул воздух ладонью Петрович. – Нельзя отдавать в частные руки стратегические направления: транспорт, нефть, газ, военно-промышленный комплекс. Можно сферу услуг и легкую промышленность уступить. Пусть частник там зарабатывает… На меня как на дурачка смотрели.

– Помню я это время, – кивнул Сан Саныч. – Перемен всем хотелось, свежего ветра… Но этот свежий ветер незаметно превратился в холодный сквозняк, который выдул все тепло из нашей жизни.

– Странный парадокс… Тогда не говорили о боге, о вере, но святости в жизни было больше, и отношения между людьми были добрее.

– Согласен. Людей воспитывали на бескорыстии; материальные ценности были вторичны. Главное – духовное совершенство…

– Было ли где в мире еще такое общество, – задумчиво произнес Петрович, – где столько всего было бесплатно. Медицина, образование, занятия спортом – да много еще чего. И в обыденной жизни… Подвезти случайных попутчиков, помочь кому-то с переездом или знакомым на даче – никому и в голову не могло прийти, чтобы взять за это деньги. А теперь за все надо платить. Деньги – вот главное в современной жизни. Деньгами меряются все человеческие отношения, хотим мы этого или не хотим.

– А помнишь, о чем мечтали тогда? – улыбнулся Сан Саныч. – Стать знаменитым ученым, художником, поэтом… Совершить подвиг, сделать что-то выдающееся для Родины, для страны… И не удивительно, что на нас равнялись многие другие народы в мире. А сейчас? О чем мечтает нынешняя молодежь? Зарплата, карьера; свалить за границу, откосить от армии; машина, квартира, дача… Все материально, прагматично, мелко… Мир стал другим и от этого грустно.

* * *

Я долго не мог решиться позвонить Ане. Сидел возле телефона и размышлял: стоит ли вообще это делать? Ведь столько лет прошло. А если трубку возьмет не она? Муж или дочь? Что я скажу?.. Но, в конце концов, безрассудство пересилило здравый смысл, и я набрал длинный междугородный номер. Пошли гудки: первый, второй, третий…

– Speaking, – послышался в трубке знакомый до боли голос.

– Привет… Это Роберт, – произнес я и, стараясь казаться беспечным, добавил. – Если, конечно, ты меня еще помнишь.

– Боже мой, Роберт! – вырвалось у нее. – Это ты?.. Как ты узнал мой номер?

По голосу я понял, что она взволнована. И это, как ни странно, успокоило меня.

– Один мой знакомый дал. Он гостил у вас там, в Америке, целый месяц. Мир тесен, как говорят.

– Да, Роберт, мир тесен… – подтвердили она. – Но все же не верится, что настолько.

– Рад слышать тебя, Аня. Голос совсем не изменился…

– Я тоже очень рада… Как ты, чем занимаешься, где живешь?

– Живу там же, по старому адресу. А занимаюсь… Из газеты давно ушел, работаю режиссером.

– Кем-кем? – удивленно переспросила она.

– Режиссером… Курсы окончил режиссерские, снимаю рекламные ролики, фильмы. В общем, тружусь в сфере видеопроизводства.

– Ты всегда был творческим человеком.

– Наверное… Ну, а ты? Что у тебя новенького?

– А разве твой знакомый тебе не рассказал?

– Ну, так, в общих чертах…

– В бытовом плане все хорошо, живем в большом доме. Я сейчас уже не танцую. Преподаю, учу детей, мне нравится.

– Дочке-то сколько?

– Почти девять.

– Ого, как время летит!

Мы говорили о каких-то житейских мелочах, а я думал лишь об одном: мне хотелось узнать главное – приедет или не приедет она в Петербург; сможем ли мы увидеться? С первой минуты общения прошлое вновь захватило меня. Словно и не было этих долгих лет разлуки, этих тысяч и тысяч километров, разделяющих нас.

– На родину не тянет? – воспользовавшись паузой, осторожно спросил я.

– На родину? – она слегка растерялась. – Тянет… Я ведь с той поры, ни разу в Питере не была. Да и вообще, в России.

– Так, может, соберешься, приедешь?

Она замолчала, вздохнула тяжело и потом вдруг неожиданно пообещала.

– А что, вот возьму и приеду.

– И мы увидимся?

– Ну, не зна-а-а-аю… – она игриво рассмеялась на том конце света, и я снова узнал в ней прежнюю озорную девчонку. Нежность теплой волной шевельнулась в душе. Захотелось обнять ее – крепко, как прежде, и, коснувшись губами ее губ, забыться в сладостном и страстном поцелуе.

«Пусть давно уже мы не те, – подумал я, – пусть годы выстудили прежние наши чувства, но все равно между нами осталась эта незримая, неразрывная связь, которая, не смотря ни на что, продолжает держать нас вместе. И как знать, может у меня еще есть шанс все вернуть, начать сначала?»

Этот телефонный разговор взволновал меня. Я вдруг неожиданно для себя осознал, что все эти годы втайне надеялся, что судьба снова сведет нас вместе. И вот, в конце концов, так оно и вышло… Кто сказал, что чудес не бывает?!

7

Зимний солнечный день: морозно, безветренно, тихо… Мы за городом, снимаем телевизионный художественный фильм. На заснеженной деревенской улице, среди белеющих крыш домов толпится съемочная группа. Устанавливают свет, камеру, готовят площадку. Актеры, томясь в ожидании, греются в ближайшей избе.

– Эй, тащите сюда вторую катушку! Шнура не хватает!

Мимо меня, поскрипывая подошвами по морозному снегу, пробежал к автобусу осветитель. Изо рта его вырывались клубы пара. Я остановился, машинально проводил его взглядом.

«Надо бы поторапливаться… Время к обеду, а мы еще только две сцены отсняли».

Короток зимний день: не успеешь оглянуться – уже сумерки. Поэтому все у нас расписано по минутам. Даже перекусить толком некогда. Я-то ладно, привык. Могу практически без пауз работать. Но люди… Им все же хоть небольшой, но отдых требуется. И поесть тоже надо…

– Роберт Викторович! – из-за забора меня окликнул звонкий девичий голос. – Хозяйка велела передать – обед готов.

Это гример Оксана. Она хоть и молода, но уже с опытом – на трех фильмах, не считая нашего, отработала. Свое дело знает… Хотя основной специалист по этой части у нас, конечно, Людмила. Это уже сложившийся мастер: нос приклеит – от настоящего не отличишь. Сейчас она на другой точке работает, в храме – гримирует актеров для следующей сцены. Как только мы здесь закончим, сразу поедем туда.

Оксана стояла возле калитки без головного убора, в накинутом на худенькие плечи темном зимнем пальто. Тонкие пальцы рук, сжимавшие меховой ворот покраснели от мороза; кончик носа и щеки тоже зарумянились.

– Иди в дом, – сказал я. – Простудишься.

– Ничего, я закаленная… – улыбнулась девушка.

– Иди, иди… Актерам передай – пусть выходят, у нас все готово. А обедать потом будем, когда отснимемся.

Я спустился к реке. По берегам она была скована льдом, но посередке, в самой стремнине, еще струилась дымящая испариной вода. И серая ледяная шуга лениво плыла по ней, цепляясь за тонкие края свежих заберегов. На той стороне, сквозь сизое туманное марево, виднелись густые заросли деревьев.

Поеживаясь от холода, я поглубже засунул руки в карманы, с тоской подумав о том, что до конца съемочного дня еще очень и очень далеко. И надо не просто как-то пережить это время, но и выполнить достойно свою работу. Потом ведь ничего уже не переснимешь – бюджет не резиновый. Да и актеров вместе собрать попробуй – у каждого свой график. В общем, хоть умри, а дело сделай.

В прибрежных кустах послышался легкий свист. Я повернул голову и увидел стайку красногрудых снегирей. Словно румяные яблоки висели они на заснеженных ветках. Медленно отступая назад, я осторожно отошел подальше, чтобы не спугнуть эту красоту. Потом подозвал оператора:

– Сними, пригодится.

Фильм у нас о провинции, о судьбе одного человека – пьющего, пропащего, бесцельно прожигающего жизнь. Он не только страдает сам, но и мучает близких. Однажды в пьяном угаре с подачи собутыльника, он выстрелом из ружья, убивает свою собаку – преданного охотничьего пса, любимца семьи. Наутро очнувшись, понимает, что натворил, но поздно… Ничего уже не изменить. Жена и дети отвернулись от него. Выход один – в петлю… Готовый на все, он выходит во двор и вдруг замечает на белом снегу кровавые собачьи следы, которые ведут

к конуре. Он заглядывает туда и видит израненного пса. Протягивает к нему руки, а тот, не помня зла, преданно лижет их… Этот случай становится переломным моментом в его судьбе. Прозрев, человек резко меняет свою жизнь и в финале все заканчивается на редкость удачно. Выживший пес, счастливая семья, новая работа – в общем, все как в кино… Но самое удивительное, что сценарий для этого фильма я писал с реального человека. Сначала жизнь – потом кино. Так тоже бывает…

Актеры выходят на съемочную площадку. Их двое… Один играет того самого пропойцу, второй – майора полиции, его родственника. Снимаем эпизод, где сердобольный полицейский пытается наставить героя на путь истинный. Майор невысок, подвижен, слегка полноват; на гладко выбритой голове, сползая на уши, неловко сидит форменная шапка-ушанка с кокардой. Герой напротив – рослый, подтянутый, широкоплечий; в руках у него тяжелый топор для колки дров. В валенках, телогрейке, коротко стриженный и не бритый – он напоминает заключенного. Зовут актера Сергей, ему под пятьдесят, хотя выглядит неплохо. Я помню его еще по старому советскому фильму о четырех разведчиках-десантниках, которые во время учений отважно действовали в тылу условного противника. Тогда он был совсем молодым.

– Слушай, – Сергей подошел ко мне. – Я тут придумал такую вещь… Он же после драки, правильно? И этот, – он кивнул в сторону майора, – у него спрашивает: «Чего губа-то припухла?» Смотри, я вот сюда, под губу ватку положил – чтобы было похоже…

Он приподнял верхнюю губу, показывая белый, намокший слюной катышек.

– Ну, как, нормально?

– Да, да, конечно… – я одобрительно улыбнулся. – Это ты хорошо придумал.

Я всегда положительно относился к тому, что во время съемок актеры что-нибудь изобретали. Пусть… Вроде бы мелочь, но из таких мелочей, как из мозаики складывается общая картина. И чем больше будет таких придумок, тем интереснее получится результат.

– Внимание! На исходную!.. Снимаем подъезд полицейского и выход его из машины.

Актер в форме майора забрался в подошедший УАЗик, автомобиль фыркнул и задним ходом начал сдавать в гору.

– Дальше, дальше!.. – я помахал им рукой. – Совсем, чтобы вас видно не было!

Автомобиль исчез за бугром, оставив после себя на заснеженной деревенской дороге только промятую рыхлую колею. Я оглядел площадку перед домом. На истоптанном снегу валялись напиленные чурбаки и кучка свеженаколотых дров.

– Сергей, давай в кадр!

Актер подхватил с земли топор, встал напротив березового чурбака, приготовился.

– Внимание! Камера!..

– Стоп-стоп-стоп! – скороговоркой застрочил оператор. – Минуточку.

– В чем дело?

– Настроиться надо.

«А раньше это сделать было нельзя?» – раздраженно подумал я, но промолчал.

С оператором у меня довольно сложные отношения. С одной стороны – он прекрасный мастер, опытный, знающий, а с другой – слишком уж эгоцентричный, нервный, самолюбивый. Постоянно пытается показать свою значимость. Между нами все время идет борьба за лидерство. Может быть даже неосознанно, на уровне подсознания, каких-то инстинктов. Но это невозможно не замечать. Однажды дело до драки едва не дошло… Хотел поменять его, нашел уже другого. Тоже опытный, хороший, крепкий профессионал. Поздно вечером, накануне съемки звоню ему какие-то детали уточнить – а он лыка не вяжет… В общем, подумал я, подумал и решил: коней на переправе не меняют. Ради дела придется потерпеть.

– Можно!

Оператор склонился над камерой. Я молча наблюдаю за происходящим.

– Давай, давай! Коли-коли-коли!

Оператор энергичными движениями из-за камеры показывает актеру, что он должен делать. Сергей поднимает тяжелый колун, с силой всаживает его в чурку, снова вздымает вверх руки, опять бросает топор вниз… С треском разламывается березовый чурбачок, щепки летят по сторонам.

– Машина-машина-машина!.. Пошла-пошла!

Оператор торопливыми жестами дает сигналы водителю, при этом усы его и бородка «а ля Сальвадор Дали» взволнованно топорщатся, глаза горят, а щеки пламенеют от мороза.

Я стою рядом и чувствую, как внутри закипает злость.

«Ну, что ты суешься поперек батьки? Что ты командуешь?.. Главный на площадке все равно режиссер. И по другому быть не может… Здесь, по крайней мере».

– Стоп! На исходную… Все заново!

Оператор нервно покусывает губу. На лице у него читается обида.

– Камера!

Оператор шумно шмыгает носом и прижимается щекой к резиновому окуляру.

– Камера… – твердо повторяю я, повернувшись к нему.

– Есть камера, – наконец отвечает оператор.

– Работаем!

Статус-кво восстановлен… А как иначе? Ведь только отпусти вожжи, прояви слабость и все начнет расползаться. Слишком уж специфический это коллектив – съемочная группа. А режиссер отвечает за все… Во всяком случае я лично только так работаю. Чаще всего сам пишу сценарий, сам формирую съемочную группу, лично участвую в подборе актеров. На всех съемках работаю от и до – прихожу первым, ухожу последним. И финансовая сторона тоже на мне, и монтаж, и озвучивание, и музыкальное оформление… Кстати, о музыке. В фильме будет несколько песен. Одну из них мне великодушно подарил известный певец – бритый наголо брутальный мачо, с вечно распахнутым воротом, любимец женщин и, как я недавно узнал из газет, самый высокооплачиваемый исполнитель в России. А ведь еще несколько лет назад это имя никому ни о чем не говорило. Я помню человека возле метро, который под аккомпанемент стоящего рядом проигрывателя, раздавал бесплатно прохожим диски с его песнями. Люди равнодушно шли мимо, сторонились и не хотели брать их даже даром. Зато теперь этот певец собирает огромные залы, выступает в Кремле и те же самые зрители готовы платить любые деньги, чтобы попасть к нему на концерт… Вот как в жизни бывает.

– Машина пошла!

Урча мотором полицейский УАЗик покатился с бугра вниз по деревенской улице, вдоль занесенных заборов, мимо побеленных снегом домов. Не доезжая до съемочной площадки с толпящимися вокруг нее людьми, машина плавно остановилась. Откинулась дверца и наружу энергично выбрался переодетый в полицейского актер. Отряхнув с форменной брючины налипший снег, он твердой походкой направился к колющему дрова Сергею.

– Бог в помощь!

– А-а, гражданин начальник, – с усмешкой поприветствовал его Сергей.

– Да брось ты, покури.

Тот послушно опустил на землю топор, стянул матерчатые рукавицы.

– Будешь? – он протянул майору пачку с сигаретами.

– Нет, не хочу.

– Ну, как знаешь…

Сергей прикурил, опустился на березовый чурбачок. Полицейский, смахнув ладонью, снег с другой чурки, присел напротив.

– С чем пожаловал? – поинтересовался Сергей.

– Ты вчера возле кафе драку устроил?

– Я? Драку-у?.. Какую драку?

– Не прикидывайся, мне все уже доложили.

– Ну, так у них и поспрашивай, – развел руками Сергей. – А я ничего не знаю. Дома сидел, телевизор смотрел.

– До-о-ома сидел, телеви-и-изор смотрел, – передразнил полицейский. – А губа-то что припухла?

– Где? – актер осторожно потрогал губу. – Это я так… Прикусил.

– Эх, Ваня, Ваня…

Майор тяжело вздохнул и задумался. Пять секунд, десять… Время идет, а он все молчит.

– Стоп! – не выдержал я. – В чем дело?

– Слова забыл, – виновато улыбнулся полицейский. – Дайте текст, кто-нибудь.

Ему принесли сценарий, он пошелестел страницами, нашел нужное место и сосредоточенно углубился в чтение. Губы его при этом шевелились, как у первоклассника.

Я отвернулся, чтобы не сказать лишнего… Сколько еще торчать здесь, на этой выстуженной добела улице? Среди этих холодных снегов, под этим ледяным безжалостным небом?

– Градусов двадцать, наверное, – произнес кто-то у меня за спиной.

– А к вечеру все тридцать будет, – ответили ему.

Я поежился… Перед заходом солнца нам предстояло снимать ключевую сцену с собакой. Место действия – берег реки. Здесь хоть ветра нет, а там… Я почувствовал, как замерзли руки. Поднеся ко рту, я подышал на них, пытаясь согреть их дыханием.

У камеры, закутанной в специальный жилет, приплясывал от холода оператор. Я подошел ближе…

– Ну, как?

– Нормально. Главное, чтобы техника не подвела.

«Да, – подумал я, – если с камерой что не так – это будет катастрофа».

Переснимать… От одной этой мысли становилось не по себе.

– Все, готов! – донесся голос актера-полицейского. – Можно начинать!

Собрав волю в кулак, я шагнул на съемочную площадку.

– Внимание! Приготовились… Камера!

Мы благополучно доснимали этот эпизод, перекусили, немного погрелись в доме у гостеприимной хозяйки, потом поехали в церковь, где нас уже дожидались загримированные для следующей сцены актеры.

В помещении работать было намного легче. Я не заметил, как пролетело время. Снова возвращаться на улицу не хотелось. Но выбора не оставалось… Солнце склонялось к горизонту, завершая короткий зимний день. Надо было спешить.

С высокого берега открывался изумительный вид: широкая большая река, заснеженные валуны вдоль ледяной кромки, деревья под белым инеем. И небо – такое чистое, яркое, стремительно меняющее свой цвет под лучами багрового предзакатного солнца. Я даже забыл про холод, залюбовавшись этой красотой.

Внизу в это время готовились к съемке. Главным героем здесь должен был стать охотничий пес по кличке Беркут. Я выбрал его из нескольких претендентов. Удивительное, надо сказать создание – породистый, добрый, смышленый. При первом знакомстве сразу расположил к себе. Сегодня ему предстоит нелегкое испытание. Его должны будут убить из ружья. «Убить» – конечно, понарошку, но чтобы изобразить неживого, псу придется какое-то время побыть без движения. А как собаке объяснишь – лежи, мол, и не двигайся? Никак… Здесь только медицина может помочь. Для этого я и пригласил на съемки ветеринара.

– Солнце садится, – напомнил оператор, – надо снимать. Иначе время упустим.

– Да-да, – машинально кивнул я, думая о своем.

Я представил себе Беркута, беспомощно лежащего на снегу. Сколько времени понадобиться нам для съемки? Успеем ли мы?

Мороз все усиливается, да еще этот ветер… Стоять невозможно – лютая стужа пробирает до костей. А лежать без движения? Да еще на снегу… Сомнения одолели меня: вправе ли я так рисковать? Чужой, пусть и собачьей жизнью. Когда я задумывал эту сцену, в теории все выглядело гораздо проще.

– Свет уходит, Роберт! Мы работаем или нет?

– Сейчас…

Я никак не мог решиться. Словно надо было прыгнуть с высоты.

– Внимание! Все готовы?.. На исходную.

Ветеринар раскрыл свой чемоданчик, достал шприц, иглу.

– Укол сейчас будем делать?

– Нет… Сначала снимем Сергея. Как он стреляет, уходит… Потом собаку. Я скажу…

Сергей перед камерой поднял ружье, взвел курок, приложился щекой к холодному боку приклада. За рекой, на заднем фоне, багрово пламенела заря.

«Красивый кадр, – машинально отметил я. – Символичный».

Выстрел хлестко ударил по ушам, из ствола выбросило струйку дыма. Сергей переломил двустволку, извлек из патронника стреляную гильзу и кинул ее на снег.

Потом мы сняли его окровавленные руки, как он курит напоследок и его неторопливый уход. Теперь предстояло самое главное.

– Колите, только быстро!.. Всем приготовится! Второго дубля не будет.

Ветеринар сделал укол. Пес дернулся, но крепкий поводок не дал ему убежать. Я специально велел взять его на привязь, чтобы не гоняться потом за ним по берегу.

– Когда подействует?

– Минуты через две.

Беркут сначала вел себя, как ни в чем не бывало: обнюхивал заснеженный берег, рвался на волю. Потом движения его замедлились, стали вялыми; он качнулся, его повело, лапы, словно одеревенели, сделались непослушными; он упал на бок, попытался подняться… Его вырвало.

На снегу в это время делали кровавую дорожку, орошая нетронутый покров специальной красной жидкостью.

Сергей склонился над лежащим псом, взял его за задние лапы. Беркут поднял голову, оскалился.

– Он меня укусит!

– Не бойтесь, он уже обездвижен, – успокоил актера ветврач.

– Все равно… Вон он какой здоровый!

Я выругался длинно, витиевато и от души, не обращая внимания на притихших коллег. Это подействовало.

Сергей потащил собаку по снегу. Мы снимали его руки, обагренные кровью, которыми он держал пса за лапы. Потом отдельно сняли Беркута и кровавый след, тянущийся за ним. Затем общий план…

Едва оператор выключил камеру, мы бросились к собаке, завернули в заранее приготовленное покрывало и бегом рванули к машине. Нельзя было терять ни минуты… Устроив Беркута на заднем сидении, поехали на базу.

Когда приехали в деревню, пес уже пришел в себя: крутил головой, пытался вилять хвостом. Мы перенесли его в избу, положили на пол недалеко от печи. Я облегченно вздохнул – вроде все обошлось.

В просторной избе было полно народу. Съемочная группа собралась за накрытым столом. Хозяйка потчевала нас своими соленьями, маринадами и прочими деревенскими вкусностями. Изрядно намерзнувшись за день, мы с аппетитом поглощали всю эту замечательную еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.